№ 27. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА № 27.

Русско-Японская Война

ВОСТОЧНЫЙ ОТРЯДЪ НА РѢКѢ ЯЛУ.

БОЙ ПОДЪ ТЮРЕНЧЕНОМЪ.

П. КРАСНОВЪ

Цѣна 15 коп.

Изданіе Всероссійскаго Національнаго Клуба

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13
1911

15-я тысяча.

ИЗДАНІЕ ВСЕРОССІЙСКАГО НАЦІОНАЛЬНАГО КЛУБА.

„ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА“

1-я серія:

1. **По ту сторону Сестры-рѣки.** Правда о Финляндіи. **Ц. 10 к.**
2. **Страдалецъ за родину.** Патр. Гермогенъ. **Ц. 10 к.**
3. **Западная Русь.** Въ борьбѣ за національно-народное дѣло. **Ц. 15 к.**
4. **Забытые наши братья.** Холмская Русь. **Ц. 15 к.**
5. **Партизаны 12 года. Ц. 15 к.**
6. **Свѣтлый витязь.** Кн. М. Скопинъ-Шуйскій. **Ц. 10 к.**
7. **Русскіе летуны** въ прошломъ и настоящемъ. Съ изложеніемъ основъ воздухоплаванія. Аэростаты. Аэропланы. Воздушный флотъ. **Ц. 10 к.**
8. **Страна культурныхъ крестьянъ.** Данія. **Ц. 10 к.** (готовится къ печати).
9. **Народный вождь.** Прокопій Ляпуновъ. **Ц. 10 к.**
10. **Наши зарубежные братья въ борьбѣ за народность.** Галиція. **Ц. 10 к.**
11. **Наши зарубежные братья въ борьбѣ за народность.** Угорщина. **Ц. 10 к.**
12. **Наша народная гордость.** Очерки изъ нашего прошлаго. Кто мы и чѣмъ гордиться можемъ? **Ц. 15 к.** (готовится къ печати).

Всѣ выпуски, въ 32—60 страницъ, печатаются на хорошей бумагѣ, сопровождаются соотвѣтствующими портретами и иллюстраціями.

Земства, городскія самоуправленія, попечительства о народной трезвости, земскіе книжные склады, школы, учебныя заведенія. приходы, волостныя управленія и т. п., а также Члены Всероссійскаго Національнаго Клуба, при выпискѣ не менѣе ста экземпляровъ каждаго выпуска, не платятъ за пересылку и, кромѣ того, пользуются 10% скидки. При выпискѣ же менѣе 100 экземпляровъ каждаго выпуска эти же учрежденія только за пересылку не платятъ.

Книгопродавцамъ обычная скидка.

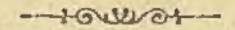
Требованія и деньги нужно адресовать: С.-Петербургъ, [illegible] Всероссійскій Національный Клубъ.

№ 27 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА № 27

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА

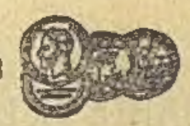
ВОСТОЧНЫЙ ОТРЯДЪ НА РѢКѢ ЯЛУ.

БОЙ ПОДЪ ТЮРЕНЧЕНОМЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. С. Суворина, Эртелевъ пер., 13
1911

ИЗДАНІЕ ВСЕРОССІЙСКАГО НАЦІОНАЛЬНАГО КЛУБА
(С.-Петербургъ, Литейный, 10).

Герой Тюренченскаго боя, священникъ Стефанъ Васильевичъ Щербаковскій, раненый въ бою, съ крестомъ въ рукахъ шедшій въ главѣ 11-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Граница Манчжуріи и Кореи—р. Ялу. — Слухи о высадкѣ японцевъ въ Кореѣ.—Жизнь полковъ 3-й Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады на р. Ялу.—Первыя извѣстія о японцахъ.

Въ южной своей части Манчжурія отдѣляется отъ сосѣдняго съ нею государства—Кореи—рѣкою Ялу. Недалеко отъ ея устья, на правомъ манчжурскомъ берегу, стоитъ богатый торговый городъ Шахедзы, противъ котораго, у корейцевъ, выстроенъ небольшой городокъ Ичжу. Отъ Шахедзы къ Ляояну, черезъ большой китайскій городъ Фынхуанченъ идетъ по горнымъ долинамъ проложенная китайцами дорога.

Еще до начала войны въ Фынхуанченѣ стоялъ небольшой отрядъ изъ 4-хъ сотенъ Забайкальскаго казачьяго войска, съ батареею и саперною ротой. Въ Шахедзахъ квартировала конно-охотничья команда 15-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка. Части эти стояли для охраны торговыхъ путей отъ китайскихъ разбойниковъ, называемыхъ хунхузами.

Когда началась война съ японцами, явилось опасеніе, что они высадятъ войска гдѣ-либо въ Кореѣ, пойдутъ на Ялу, переправятся черезъ нее и начнутъ наступленіе противъ нашихъ войскъ, собиравшихся у Ляояна. Такъ сдѣлали японцы въ 1895 году, когда воевали съ китайцами, такъ, слышно было, собирались они сдѣлать и въ 1904 году противъ насъ.

Разсказывали, что Японія изготовила для войны 3 арміи и что первая армія, подъ начальствомъ генерала Куроки, направляется въ Корею, а оттуда черезъ Ялу въ Манчжурію.

Къ 15-му марта мы уже знали, что дѣйствительно въ Кореѣ, у Чемульпо и частью у Цинампо, высадились гвардейская, 2-я и 12-я японскія дивизіи, затѣмъ высаживаются 4-я, или 6-я дивизія, два полка конницы и два полка артиллеріи. Какъ видно, первый ударъ на насъ готовился японцами изъ Кореи, черезъ рѣку Ялу, и намъ нужно было къ нему подготовиться.

19-го февраля было рѣшено отправить на Ялу 3-ю Восточно-сибирскую стрѣлковую бригаду. Уже раньше, а именно 5-го и 6-го февраля въ Фынхуанченъ пришелъ 9-й Восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ со 2-й батареей Восточно-сибирскаго стрѣлковаго дивизіона, ротой 2-го Восточно-сибирскаго саперпаго баталіона и пулеметною ротою.

Тяжелый переходъ по зимней, замерзшей дорогѣ пришлось совершить этимъ частямъ, въ рядахъ которыхъ на треть были новобранцы, только въ декабрѣ прибывшіе изъ Россіи и никогда не видавшіе горъ. Тяжело дался имъ этотъ походъ по чужой сторонѣ, среди невиданныхъ ими китайцевъ. Но все же ни больныхъ, ни отсталыхъ не было. Всѣ дошли до широкой, покрытой синеватымъ льдомъ рѣки, всѣ увидали по ту ея сторону безконечныя гряды синѣющихъ горъ и услыхали, что тамъ, за этими горами, собирается непріятель—японцы.

Что это за врагъ—большинство солдатъ никогда не слыхало. Лишь старые сибирскіе стрѣлки видали японцевъ во время войны въ 1900 году, когда вмѣстѣ съ ними ходили освобождать посольства, осажденныя въ Пекинѣ китайцами. Разное говорили про японцевъ. Маленькій, щупленькій,—говорили про нихъ:—некрасивый, а дерется хорошо, смѣло идетъ впередъ, отлично слушается офицера, горячо любитъ свое отечество.

И разсказывали на ночлегахъ и въ походѣ старые солдаты и офицеры, что японцы поклялись или умереть, или побѣдить русскихъ, что, отправляясь на войну, они навѣки прощались съ родными, вписывали имена свои въ поминовеніе, какъ вписываютъ уже умершихъ...

Слушали стрѣлки эти разсказы, удивлялись и хотѣли поскорѣе увидѣть японцевъ, помѣряться съ нимъ силами, хотѣли побѣдить его и ни за что не пустить за рѣку.

Вскроется рѣка, станетъ широкая, полноводная—легко ли перейти черезъ нее подъ мѣткимъ огнемъ? И пытливо смотрѣли размѣщавшіеся въ Шахедзахъ солдаты на синіе хребты далекихъ горъ, сверкавшихъ подъ солнечными лучами на корейскомъ берегу...

10-го февраля въ Фынхуанченъ пришелъ 12-й Восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ съ 3-й батареей Восточно-сибир-

скаго стрѣлковаго артиллерійскаго дивизіона и саперной ротой 2-го Восточно-сибирскаго сапернаго батальона. Этимъ частямъ, шедшимъ другою дорогою, черезъ китайскіе города Симученъ и Сюянъ—пришлось перенести еще болѣе походныхъ тягостей и невзгодъ. Но свято помнили присягу сибирскіе стрѣлки и бодро шли по каменистому дну горныхъ ручьевъ, по скользкой грязи подъемовъ и спусковъ, мерзли, не разъ голодали, такъ какъ достать продовольствія было негдѣ.

15-го февраля въ Фынхуанченъ прибылъ 11-й Восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ и, наконецъ, 9-го марта подошелъ 10-й Восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ съ 7-й горной батареей. Такъ собралась подлѣ Ялу, между Фынхуанченомъ и Шахедзами, вся 3-я Восточно-сибирская стрѣлковая бригада и расположилась—въ Шахедзахъ—9-й полкъ со 2-й батареей и 4 роты 12-го полка; въ Тюренченѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Шахедзы вверхъ по рѣкѣ Ялу, 3 роты 12-го полка съ 1-й [illegible]-байкальской казачьей батареей и въ Фынхуанченѣ—11-й полкъ съ 3-й батареей.

Къ началу марта полки, занимавшіе Фынхуанченъ, перешли ближе къ Ялу и стали въ г. Шахедзы и сзади него въ лагерѣ у деревни Тензы.

Къ 15-му марта пришла 1-я батарея Восточно-сибирскаго стрѣлковаго дивизіона и конно-охотничья команда 10-го Восточно-сибирскаго полка. Эти части пока остановились въ Фынхуанченѣ.

Собравшіяся на Ялу войска получили названіе Восточнаго отряда. Начальникомъ его былъ начальникъ 3-й Восточно-сибирской стрѣлковой бригады генералъ-маіоръ Кашталинскій.

Солдаты устроились въ китайскихъ домахъ—фанзахъ. На дворахъ появились мишени, прицѣльные станки и въ ротахъ принялись за обученіе молодыхъ солдатъ. Каждый день большія команды стрѣлковъ отправлялись на мѣста, выбранныя для боя (позиціи), рыли тамъ окопы и строили укрѣпленія. Одна рота 9-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка пе-

реправилась черезъ Ялу и устроилась въ корейскомъ городѣ Ичжу.

О японцахъ ничего не было слышно. Генералъ-маіоръ Мищенко съ двумя полками забайкальскихъ казаковъ ушелъ вглубь Кореи, дошелъ почти до самой столицы Корейскаго государства –Сеула и встрѣтилъ японцевъ только у самаго моря. Онъ имѣлъ тамъ стычки съ противникомъ, у него были раненые и убитые. Солдаты распрашивали казаковъ о японцахъ, но казаки отвѣчали коротко:—«ничего себѣ—мелкій, однако—хитрый народъ».

Наступила и прошла Страстная недѣля. Отговѣли въ храмѣ 9-го стрѣлковаго полка, устроенномъ въ китайской фанзѣ, и встрѣтили Свѣтлое Христово Воскресенье 28-го марта, въ горячей молитвѣ. Ночью, послѣ заутрени, на улицахъ Шахедзы былъ церковный парадъ.

Японцы не тревожили насъ, хотя они уже были близко. На берегахъ Ялу, по ту сторону, все чаще и чаще мелькали таинственные огоньки:—то передвигались по берегу японскіе дозоры...

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Возвращеніе генерала Мищенко изъ набѣга на Корею.—Развѣдка японцевъ черезъ корейцевъ и открытая съ лодокъ. –Дѣло поручика Демидовича 26 марта. — Дѣло стрѣлковъ охотниковъ 9-го полка 27 марта.—Второе дѣло Демидовича 30 марта.—Дѣло штабсъ-капитана Змѣйцына 8 апрѣля.

18-го марта генералъ-маіоръ Мищенко вернулся съ казаками изъ Кореи. Ледоходъ на рѣкѣ только что кончился. Конный казачій отрядъ переправлялся вплавь между льдинами. Лошади шли табуномъ, казаковъ перевозили на китайскихъ лодкахъ.

Два дня длилась эта трудная переправа и окончилась только въ 5 часовъ вечера 20-го марта. На корейскомъ берегу не осталось ни одного русскаго солдата, ни одного казака.

Ночью на 21-е марта въ городъ Ичжу вошли передовыя части японцевъ. Это былъ отрядъ японскаго генералъ-маіора Асада, состоявшій изъ 3-хъ батальоновъ, 5 эскадроновъ, 12-ти горныхъ орудій и роты саперъ.

Теперь только широкая и глубокая рѣка Ялу отдѣляла насъ отъ японцевъ. Шириною у Шахедзы болѣе версты неслась она мутно-желтымъ потокомъ къ морю. Нашъ берегъ, высокій, крутой и гористый, подходилъ къ водѣ мѣстами въ видѣ обрывистыхъ скатовъ, мѣстами пологими скатами. Чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ шире и глубже становилась рѣка, а немного повыше Шахедзы, противъ Ичжу и Тюренчена, она разбивалась на нѣсколько рукавовъ, образующихъ острова; самые большіе изъ нихъ—острова Сямалинда и Косиндза, лежали противъ деревни Тюренченъ.

Развѣдывать, узнавать о томъ, гдѣ и сколько собралось японцевъ стало очень трудно. Рѣка раздѣляла насъ. Переправиться было можно только на лодкѣ, а лодку издали легко было замѣтить и не пустить на берегъ людей. Пробовали посылать корейцевъ и китайцевъ, платили имъ за развѣдку большія деньги, но плохіе это были развѣдчики!

Придетъ такой кореецъ-лазутчикъ съ докладомъ къ начальнику штаба отряда подполковнику Линда.

— Ну, скажи, что же ты дѣлалъ въ Ичжу? Гдѣ ты былъ?—спрашиваетъ его нашъ подполковникъ.

— Ночью я былъ въ фанзѣ. Спалъ,—говоритъ кореецъ.

— А днемъ?

— А днемъ я тоже былъ въ фанзѣ. Боялся выйти. Боялся, что японцы меня поймаютъ,—отвѣчаетъ кореецъ.

— Что же ты могъ видѣть, когда ночью спалъ въ фанзѣ, а днемъ тоже былъ въ фанзѣ—боялся? Ты ничего, значитъ, и не видалъ,—говоритъ подполковникъ.

— Нѣтъ, я видалъ. Пушка видалъ, двадцать пушка тамъ есть. И маленькая пушка есть. На рукахъ носятъ...

Вѣрить такимъ лазутчикамъ нельзя было. Нужно было заглянуть туда своимъ хозяйскимъ глазомъ русскаго офицера и солдата.

И вотъ среди стрѣлковъ явились охотники—офицеры и нижніе чины, которые взялись отправиться къ непріятелю и заглянуть, что у него дѣлается. Черезъ нихъ мы узнали, что японцы заняли «Русскій поселокъ», лежавшій въ устьяхъ Ялу и основанный лѣсопромышленной компаніей. Тамъ нашли они корейскаго старшину, служившаго русскимъ, и, привязавъ его за ноги къ хвосту лошади, погнали ее... Такъ звѣрски убили они человѣка и только за то, что когда-то онъ служилъ русскимъ.

Зоркій глазъ стрѣлковъ-развѣдчиковъ, ходившихъ къ японскому берегу на лодкахъ и на двухъ паровыхъ катерахъ «Любѣ» и «Надеждѣ», разсмотрѣлъ, что японцы укрываются соломенными щитами, ставятъ за ними свои посты и роютъ окопы. Увидали наши развѣдчики, что окопы японцамъ роютъ корейцы. Разглядѣли и рослыхъ вороныхъ лошадей японской гвардейской кавалеріи, стоящихъ на коновязи. Разсмотрѣли они и японскій флагъ—бѣлый съ краснымъ кругомъ, флагъ «Восходящаго солнца», поднятый на городской башнѣ Ичжу.

Но мало было стрѣлкамъ-удальцамъ видѣть японцевъ, имъ хотѣлось пощупать ихъ, взять плѣнныхъ, или хотя бы убитыхъ. Захотѣлось перестрѣлки и боя... Надоѣло стоять безъ дѣла противъ врага, только издали его наблюдая.

Ночью въ Страстную Пятницу, 26-го марта, команда изъ 27-ми пѣшихъ охотниковъ 12-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка подъ командою поручика Демидовича, при подпоручикѣ Потемкинѣ, отправилась на Корейскій берегъ къ городу Ичжу. Давно подмѣтили наши стрѣлки, что японцы собираютъ китайскія лодки и шаланды подъ городскими стѣнами, очевидно готовятся тамъ къ переправѣ. И вотъ Демидовичъ задумалъ ихъ уничтожить. На небольшой лодкѣ перепраки-

лись стрѣлки на островъ Сямалниду и стали красться къ слѣдующему рукаву. Идти пришлось по мелкому бѣлому песку, поросшему тальникомъ. Одѣтые въ шинели, тихо крались наши солдаты между кустами. Вдругъ на темной водѣ у Нчжу Демидовичъ замѣтилъ три лодки, тихо плывшія къ острову. Живо залегли охотники за кустами и осторожно поползли къ берегу, навстрѣчу врагу. Лодки причалили къ острову, японцы сошли на берегъ и быстро стали расходиться цѣпью, обшаривая кусты. А наши, затаивъ дыханіе, крались впередъ, имъ навстрѣчу. Но кто-то не выдержалъ — кашлянулъ, брякнуло чье-то оружье—японцы повернули и побѣжали къ лодкамъ.

— Ура! —крикнулъ Демидовичъ и дружно поддержали стрѣлки своего начальника.

Японцы бросились въ воду, торопясь на лодки. Наши насѣли на нихъ. Унтеръ-офицеръ Сумашедовъ прикололь штыкомъ двоихъ, остальные стали отчаливать. Тогда наши открыли ружейный огонь и японцы начали падать въ воду. Двѣ лодки опрокинулись, японскія тѣла подхватила рѣка и понесла къ морю. Наши благополучно вернулись въ Тюренченъ. На другой день флагъ на Нчжу былъ спущенъ и японцы стали осторожнѣе.

Въ Страстную Субботу, 27-го марта, стрѣлки-охотники 9-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, унтеръ-офицеръ Федоръ Цыгановъ, ефрейторы Антонъ Петройтисъ,—георгіевскій кавалеръ за китайскую войну, Романъ Харьковъ и Дмитрій Дашкевичъ съ 8-ю стрѣлками были посланы на развѣдку непріятельскихъ заставъ и постовъ. Имъ предложили самимъ придумать, какъ лучше подойти къ непріятелю. Они рѣшили спуститься на лодкѣ внизъ по Ялу почти до самаго моря, высадиться тамъ на японскій берегъ и подойти съ той стороны, съ которой японцы меньше всего насъ ожидаютъ. Рано утромъ стрѣлки уже были противъ «Русскаго поселка». Днемъ Цыгановъ, Петройтисъ, Харьковъ и стрѣлокъ Крестовскій на маленькой лодкѣ переправились на японскій берегъ и вступили

Развѣдка на рѣкѣ Ялу.

въ опустошенный поселокъ. Дашкевичъ съ семью стрѣлками ожидалъ ихъ близъ берега на шаландѣ.

Стрѣлки днемъ, никѣмъ незамѣченные, подкрались къ японскому бивaку. Они видѣли японскій эскадронъ, стоявшій на коновязи, видѣли, какъ японцы поужинали, разошлись по фанзамъ, а часовой развелъ костеръ и началъ дремать. Наступила пасхальная ночь.

Наши стрѣлки рѣшили приколоть часового, потомъ дать залпъ по лошадямъ, чтобы произвести суматоху. Но едва они вышли изъ кустовъ, какъ ихъ увидали корейцы и подняли тревогу въ японскомъ лагерѣ. Японцы побѣжали къ рѣкѣ. Человѣкъ двадцать ихъ сѣло въ лодку и старалось отрѣзать путь Цыганову съ товарищами къ ихъ лодкѣ.

Видя, что они открыты, Цыгановъ и стрѣлки кинулись, какъ были—съ ружьями и въ шинеляхъ, въ воду и поплыли, какъ могли. Японцы открыли по нимъ огонь и ранили въ голову ефрейтора Харькова. Онъ сталъ тонуть. Цыгановъ съ Петройтисомъ и Крестовскимъ хотѣли поддержать его, но имъ и самимъ нелегко было плыть въ намокшей одеждѣ, и они упустили Харькова. Харьковъ утонулъ. Пули щелкали кругомъ плывущихъ. Японцы налегали на весла и ихъ большая лодка уже приближалась къ нашимъ стрѣлкамъ. Но на выручку неслась, разсѣкая волны, маленькая лодка съ семью стрѣлками, предводимая Дашкевичемъ. Не считалъ Дашкевичъ враговъ, зналъ одно:—самъ погибай, а товарища выручай—и летѣлъ туда, гдѣ свистали и щелкали по водѣ пули. Въ самомъ близкомъ разстояніи отъ японцевъ побросали стрѣлки весла, приложились изъ ружей,—грянуло два залпа и посыпались японцы и бывшій съ ними кореецъ въ воду. На берегу все стихло. Стрѣльба прекратилась, наша лодка подобрала продрогшихъ и измученныхъ Цыганова, Петройтиса и Крестовскаго. Стрѣлки вернулись съ развѣдки, потерявъ одного Харькова, но положивъ больше десятка японцевъ.

Перестрѣдка развѣдчиковъ съ японцами.

На второй день праздника св. Пасхи, въ церкви 9-го полка служили панихиду по Харьковѣ. Это была первая жертва долга въ Восточномъ отрядѣ.

30-го марта тотъ же лихой офицеръ—поручикъ Демидовичъ—рѣшилъ отправиться снова на островъ Сямалинду, на мѣсто перваго столкновенія съ японцами, и поискать, не осталось ли тамъ ружей отъ убитыхъ японцевъ. Съ нимъ пошелъ подполковникъ Полторацкій, три офицера-охотника и 20 стрѣлковъ 12-го полка. На разсвѣтѣ они высадились на островѣ, а поручикъ Демидовичъ съ 4-мя стрѣлками сѣлъ въ лодку, доѣхалъ до того мѣста, гдѣ было первое столкновеніе, и сталъ шарить баграми по дну. Взошло солнце. Японцы со стѣнъ Ичжу увидали лодку и открыли по ней огонь. Разстояніе было близкое:—первыми же выстрѣлами поручикъ Демидовичъ была раненъ въ ногу, а стрѣлокъ Тютюнниковъ убитъ. Тогда, бывшій съ Демидовичемъ ефрейторъ Мищенко понесъ на себѣ раненаго Демидовича, а двое другихъ стрѣлковъ потащили убитаго по берегу. Японцы усилили огонь. Ночевавшая на островѣ рота японцевъ стала окружать нашъ отрядъ. Надо было отстрѣливаться. Пришлось бросить убитаго Тютюнникова,—но Демидовича Мищенко продолжалъ нести, несмотря на сильный огонь. Сзади, прикрывая его, шли унтеръ-офицеръ Лучкинъ и стрѣлокъ Оверинъ. Мѣстность была совершенно открытая, японцы приближались, не прекращая огня. Пуля попала въ Демидовича и онъ умеръ на рукахъ Мищенки. Лучкинъ и Оверинъ упали ранеными. Наши, однако, успѣли сѣсть въ лодку и уплыть подъ защиту своего берега. При посадкѣ было ранено еще два стрѣлка.

Когда на берегу узнали, что тѣла поручика Демидовича и стрѣлка Тютюнникова и раненые унтеръ-офицеръ Лучкинъ и стрѣлокъ Оверинъ остались на островѣ—сейчасъ же вызвались охотники отыскать ихъ и перевезти въ Тюренченъ. Днемъ высадились стрѣлки на островъ Сямалинду и пошли на мѣсто боя. Но тамъ, на бѣломъ пескѣ, между голыхъ вѣтвей тальника только чернѣли лужи крови.

Японцы перевезли тѣла убитыхъ и раненыхъ въ Ичжу и, по словамъ корейцевъ, положили ихъ на площади. Всѣ японскіе солдаты приходили и смотрѣли на нихъ и изучали русское обмундированіе и снаряженіе.

Такъ доблестные стрѣлки Лучкинъ и Оверинъ отдали свою жизнь во имя спасенія офицера...

8-го апрѣля, въ окрестностяхъ города Шахедзы на рѣкѣ Ялу произошло еще кровавое дѣло, въ которомъ палъ смертью храбраго начальника охотничьей команды 11-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка штабсъ-капитанъ Змѣйцынъ.

Это былъ лихой офицеръ, любимецъ товарищей, человѣкъ, которому вѣрила и котораго беззавѣтно любила вся его команда. Съ 1-го апрѣля онъ стоялъ съ командой лагеремъ нѣсколько ниже г. Шахедзы у деревушки Ліенчанъ. Не разъ со своими смѣлыми охотниками на утлыхъ китайскихъ лодкахъ переплывалъ онъ рѣку, ходилъ и шарилъ по японскому берегу, отыскивая новые посты врага, провѣряя его на старыхъ знакомыхъ мѣстахъ. И вотъ сталъ онъ замѣчать, что возлѣ города Ипдади, въ устьѣ небольшой рѣчонки, впадающей въ Ялу, японцы собираютъ маленькія лодки и большія шаланды. Каждый день число этихъ лодокъ увеличивалось. Очевидно—готовились къ переправѣ...

Штабсъ-капитанъ Змѣйцынъ.

8-го апрѣля, воспользовавшись тѣмъ, что утро было туманное и хмурое, Змѣйцынъ рѣшилъ отправиться на японскій берегъ, захватить открытой силой собранныя лодки и сжечь ихъ.

Около 2-хъ часовъ дня штабсъ-капитанъ Змѣйцынъ, подпоручики Зѣвакинъ и Пушкинъ съ 32 стрѣлками на четырехъ парусныхъ лодкахъ отправились къ японскому берегу. Парусами и рулемъ правили офицеры и китайцы, стрѣлки же положили ружья на дно и сидѣли, снявъ шапки, прикрытые высокими бортами лодокъ. Три лодки были новыя со свѣтлыми досками бортовъ и новыми бѣлыми парусами, четвертая была старая, темная, съ темными парусами. Она шла сзади. Вѣтеръ былъ боковой, сильный и ровный, и лодки ходко приближались къ берегу. Начинался отливъ, рѣка мелѣла.

Какъ только первая лодка коснулась илистаго дна рѣки, двое стрѣлковъ выскочили изъ нея и побѣжали на берегъ. Но тутъ же, на берегу, за валомъ оказалось около 15-ти японцевъ. Стрѣлки легли и стали стрѣлять по японцамъ. Послѣдніе начали отвѣчать и сейчасъ же на выстрѣлы со стороны города Ифдади выбѣжало около 200 корейцевъ, или переодѣтыхъ во все бѣлое японцевъ. Они залегли за прибрежнымъ валомъ и съ самаго близкаго разстоянія открыли огонь по лодкамъ, засѣвшимъ тѣмъ временемъ на прибрежной мели. Съ лодокъ открыли огонь и въ то же время старались стянуться въ воду. Офицеры стояли открыто у рулей и распоряжались боемъ. Команда глазъ не спускала съ нихъ и точно исполняла всѣ приказанія. Пули съ визгомъ летали въ воздухѣ, щелкали по водѣ, пробивали борты. Уже нѣсколько стрѣлковъ были ранены, а борты мѣстами обращены въ щепки. Однимъ изъ первыхъ залповъ былъ раненъ штабсъ-капитанъ Змѣйцынъ рядомъ пуль въ грудь. Нѣсколько мгновеній онъ еще сидѣлъ на рулѣ, потомъ лишился сознанія и упалъ на дно. За нимъ былъ раненъ двумя пулями въ грудь и въ руку подпоручикъ Пушкинъ. Офицеровъ у рулей замѣнили стрѣлки.

Японцы, видя, что наши терпятъ большой уронъ и не могутъ сойти съ мели, спустили свои лодки и начали заходить, стараясь отрѣзать насъ отъ рѣки. Но въ это время

наши столкнулись съ мели. Изъ 32 стрѣлковъ, бывшихъ на лодкахъ, трое было убито и 15 ранено. Оставшіеся цѣлыми толкали лодки баграми, ставили паруса, другіе отстрѣливались. Въ этомъ адскомъ огнѣ, на залитомъ кровью днѣ лодки фельдшеръ Ѳедосѣевъ спокойно перевязывалъ раненыхъ.

Наконецъ вѣтеръ надулъ паруса и лодки пошли обгонять японцевъ. Очнувшійся, залитый кровью Змѣйцынъ сѣлъ снова на руль...

Но японцы уже обошли нашихъ. Новая рѣчная кровавая схватка на лодкахъ готова была начаться, когда совершенно неожиданно на помощь стрѣлкамъ явилась артиллерія. Командиръ артиллерійскаго взвода, стоявшаго на берегу почти въ шести верстахъ отъ мѣста боя, давно уже слѣдилъ въ бинокль за этимъ боемъ. Видя, что японскія лодки столпились въ одномъ мѣстѣ, стараясь преградить нашимъ путь, онъ открылъ огонь изъ своихъ орудій. Съ пятаго выстрѣла ему удалось потопить одну изъ японскихъ лодокъ; тогда остальныя повернули назадъ, и наши стрѣлки были спасены.

Всѣ лодки были избиты, какъ рѣшето. Змѣйцынъ, едва его лодка коснулась берега, выпустилъ руль и замертво упалъ на дно лодки.

Печально возвращались стрѣлки, неся на носилкахъ раненыхъ. Змѣйцынъ дорогой скончался...

Послѣ этого лихого дѣла стрѣлковъ развѣдки и поиски охотниковъ прекратились. Восточный отрядъ готовился къ серьезному бою. Рѣшено было развѣдывать не маленькими партіями охотниковъ, не отдѣльными людьми, а цѣлыми отрядами. Развѣдывать боемъ. Нужно было опредѣлить, гдѣ предполагаютъ японцы переправиться черезъ рѣку, такъ какъ по всему было видно, что они къ этой переправѣ готовятся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Наши силы и силы японцевъ къ началу апрѣля 1904 года.—Переправа японцевъ на ос. Кіури 12 апрѣля.—Тревожныя ночи 12 и 13 апрѣля.—Развѣдка штабсъ-капитаномъ Янчисомъ лѣваго берега р. Эйхо.—Лихое дѣло подполковника Линда на Хусанскихъ горахъ.—Переправа 12-й японской дивизіи черезъ р. Ялу у устья р. Амби-хэ.

15-го марта въ городъ Ляоянъ прибылъ командующій арміей генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, а 19-го марта рѣшено было отправить для усиленія Восточнаго отряда 6-ую Восточно-сибирскую стрѣлковую бригаду. Но такъ какъ она еще не вся собралась, то на Ялу были отправлены изъ Ляояна 22-й и 24-й Восточно-сибирскіе стрѣлковые полки и 2-я и 3-я батареи 6-й Восточно-сибирской стрѣлковой артиллерійской бригады. Полки эти выступили изъ Ляояна между 19 и 21 марта тремя частями. Къ этому времени дорога между Ляояномъ и Фынхуанченомъ была поправлена, на всѣхъ ночлегахъ были устроены помѣщенія для людей и собраны запасы продовольствія. Казалось, что стрѣлки со своею артиллеріею весь путь отъ Ляояна до Фынхуанчена—152 версты—пройдутъ въ 7 дней. Но 26-го марта съ утра полилъ дождь, скоро перешедшій въ ливень, поднялся страшный вѣтеръ. Вода въ горныхъ рѣчкахъ стала быстро прибывать, переправы въ бродъ стали невозможны. Дорога мѣстами обратилась въ стремительный потокъ мутной и грязной воды, въ которомъ по колѣна брели люди. Ночью пошелъ снѣгъ, сейчасъ же таявшій и окончательно испортившій дорогу. Батарея застряла въ горахъ и стрѣлки не могли вытянуть пушекъ: такъ засосало ихъ глинистою землею. Часть обоза была унесена водою вмѣстѣ съ лошадьми и повозками. Спасти удалось только лошадей. Сообщеніе между частями отряда изъ-за разлива рѣкъ прекратилось.

На другой день, 27-го марта, разыгралась снѣжная мятель, но вода начала спадать. Въ эту мятель стрѣлки неутомимо работали, настилая гати на топкихъ мѣстахъ, поправляя броды. Два дня подрядъ мокшіе подъ проливнымъ дождемъ и подъ снѣгомъ солдаты, не имѣвшіе на себѣ ни одной сухой нитки, сразу испытали невзгоды походной жизни. Только къ 31 марта, послѣ 12-ти дней мучительнаго похода, полки 6-й бригады собрались въ Фынхуанченѣ. Но бодры и сильны были люди этихъ частей. Несмотря на страшную тяжесть похода, число больныхъ людей было ничтожно.

9-го апрѣля въ Тензы пріѣхалъ назначенный начальникомъ Восточнаго отряда генералъ-лейтенантъ Засуличъ.

Къ этому времени вся японская армія генерала Куроки собралась на берегу Ялу въ окрестностяхъ города Ичжу.

Всего здѣсь было сосредоточено 3 дивизіи пѣхоты съ сильной артиллеріей, два полка конницы и значительное число крупныхъ осадныхъ орудій. У насъ же было собрано всего 16 батальоновъ пѣхоты, въ составѣ 6 полковъ, 3 полка казаковъ и 7 батарей. Слишкомъ неравны были силы, чтобы мы могли рѣшительно помѣшать японцамъ переправиться черезъ Ялу. Вотъ почему Восточному отряду было приказано: пользуясь мѣстностью, затруднить японцамъ переходъ черезъ рѣку Ялу и дальнѣйшее наступленіе въ горы, а также узнать силы японскихъ войскъ и направленіе ихъ наступленія. Вотъ почему генералъ-адъютантъ Куропаткинъ приказалъ генералу Засуличу всѣми мѣрами избѣгать рѣшительнаго боя...

10 и 12 апрѣля въ Шахедзахъ и Тюренченѣ прошли спокойно. Только казаки на нашемъ лѣвомъ флангѣ продолжали наблюденіе за японцами и доносили, что они собираютъ доски и бревна, какъ видно, готовятся къ переправѣ. Замѣтно было также появленіе цѣлыхъ японскихъ полковъ тамъ, гдѣ раньше стояли отдѣльныя ихъ заставы. Кромѣ того, отъ корейцевъ мы знали, что еще 9-го апрѣля японцы начали строить мостъ противъ Тюренчена и сюда же подвезли 60—70 понтонныхъ лодокъ. По всему берегу отъ устья рѣки была за-

мѣтна усиленная работа японцевъ, сборъ ими лодокъ, лѣсныхъ матеріаловъ.

Во всемъ Восточномъ отрядѣ къ 13 апрѣля считалось $15^1/_2$ тысячъ стрѣлковъ и артиллеристовъ, да $2^1/_2$ тысячи казаковъ при 48 полевыхъ, 8 горныхъ и 6 конныхъ орудіяхъ. Къ этому же времени армія генерала Куроки расположилась: 12-ая дивизія стала въ окрестностяхъ города, гвардія въ самомъ городѣ и 2-ая дивизія къ югу отъ города у той самой рѣчки Помахуа, гдѣ производилъ со стрѣлками развѣдку штабсъ-капитанъ Змѣйцынъ. Такимъ образомъ у японцевъ противъ Восточнаго отряда было собрано не менѣе 32.000 человѣкъ только одной пѣхоты.

12-го апрѣля казаки 1-го Читинскаго полка, наблюдавшіе берегъ моря у устья Ялу, донесли, что около 3-хъ часовъ дня въ рѣку вошли 2 миноноски и 2 парохода. Одинъ изъ пароходовъ сдѣлалъ два выстрѣла по казакамъ. Въ то же время на островъ Сямалинду переправились 2 роты японцевъ и туда же начали сгонять отъ Ичжу лодки.

Все это встревожило нашъ отрядъ. Стрѣлки въ Шахедзахъ и Тюренченѣ были выведены изъ своихъ квартиръ и биваковъ и заняли окопы. Орудія на батареяхъ были заряжены—всѣ готовились къ бою и всю ночь съ 12-го на 13-е апрѣля провели, не смыкая глазъ, въ окопахъ. Со стороны японцевъ появились электрическіе прожекторы. Сильными бѣлыми лучами яркаго свѣта освѣщали они то Шахедзы, то горы надъ нимъ, слѣпили глаза притаившимся въ окопахъ стрѣлкамъ.

Въ 3 часа 40 минутъ ночи на лѣвомъ флангѣ, за деревнею Тюренченъ, застучали на перебой ружья. Выстрѣлы то стихали, то снова усиливались, сливаясь въ непрерывную трескотню. Во мракѣ ночи темными точками засвѣтились сигнальныя вѣхи, зажженныя тамъ. 40 минутъ продолжалась перестрѣлка, потомъ все стихло. Эти сорокъ минутъ, напрягая зрѣніе, схвативши ружья въ руки, просидѣли въ окопахъ стрѣлки, ожидая появленія японцевъ. Но и въ Тюренченѣ и въ Шахедзахъ все было спокойно. Врагъ не появлялся.

Наутро узнали причину стрѣльбы. Расположенный сѣвернѣе Тюренчена, близъ устья рѣки Эйхо, островъ Кіури былъ занятъ двумя офицерами и 60-ю конными охотниками 22-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка. Охотники эти оставили лошадей на правомъ берегу Ялу на дворѣ прибережной фанзы.

Ночью часовой замѣтилъ темныя лодки, тихо плывшія къ острову. Онъ зажегъ сигнальную вѣху и поднялъ тревогу. Стрѣлки выбѣжали на сигналъ часового и открыли огонь по лодкамъ. Съ лодокъ стали отвѣчать, не прекращая движенія. По числу выстрѣловъ стало видно, что японцевъ очень много.

Они стали высаживаться на нашъ берегъ. Стрѣлки бросились къ лодкамъ, переплыли къ фанзѣ, гдѣ были лошади, и начали отходить. Въ это время японцы заняли берегъ и открыли сильный огонь по стрѣлкамъ, путь которыхъ шелъ по узкому ущелью между рѣкою и горами. Отстрѣливаясь, по-одиночкѣ проскакивали стрѣлки это ущелье, но японскіе выстрѣлы ихъ настигали. 1 офицеръ былъ убитъ, 18 солдатъ было убито и ранено, почти всѣ лошади перебиты.

Японцевъ оказался цѣлый батальонъ. Это были гвардейцы. Они заняли берегъ и сейчасъ же стали наводить мостъ на островъ Кіури.

Настало утро. И въ блѣдныхъ лучахъ его было видно, что отъ города Ичжу началась наводка моста на островъ Сямалинду.

При охотничьей командѣ 12-го Восточно-сибирскаго полка было одно орудіе, которое дало два выстрѣла по японцамъ. На нѣкоторое время они прекратили работу, но сейчасъ же ихъ артиллерія стала обстрѣливать шрапнелями стрѣлковъ и заставила ихъ отойти за р. Эйхо. Послѣ этого японцы безпрепятственно продолжали переправу на острова Кіури и Сямалинду.

Наступленіе японцевъ въ большихъ силахъ, ихъ быстрая переправа встревожили начальника 6-й Восточно-сибирской стрѣлковой бригады генералъ-маіора Трусова, занимавшаго

нашъ крайній лѣвый флангъ, и онъ просилъ 13-го апрѣля подкрѣпленій, полагая, что японцы поведутъ переправу противъ его участка.

Начальникъ Восточнаго отряда приказалъ 13-го апрѣля всѣмъ войскамъ занимать окопы, а на помощь генералу Трусову въ Тюренченъ послалъ 2-й баталіонъ 11-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка и 8-ю роту 22-го полка. Генералу Трусову было приказано держаться у Тюренчена крѣпко и отходить только съ боемъ.

Наступила вторая тревожная ночь, ночь безъ сна въ окопахъ, для многихъ безъ горячей пищи. Отовсюду шли тревожныя вѣсти. Говорили, что японцы уже обошли нашъ лѣвый флангъ и спѣшатъ къ Фынхуанчену для того, чтобы преградить дорогу къ Ляояну. Точно никто ничего, однако, не зналъ. И вотъ, поддаваясь этимъ слухамъ объ обходѣ японцевъ, генералъ Трусовъ въ часъ ночи на 14-е апрѣля отодвинулъ 22-й Восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ съ 3-й батареей 6-й Восточно-сибирской бригады отъ Тюренчена назадъ къ селенію Чингоу.

Въ Тюренченѣ на своихъ позиціяхъ остались только 3 батальона 12-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка со 2-й батареей 6-й Восточно-сибирской артиллерійской бригады, да у деревни Тучанза находился 2-й баталіонъ 11-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка и 8-я рота 24-го полка. И на эти-то слабыя силы, всего въ $3^1/_2$ тысячи человѣкъ, готовился ударъ чуть не всей арміи Куроки...

Въ Шахедзахъ день прошелъ томительно, но спокойно. Противъ насъ не было замѣтно никакого движенія и только на правомъ флангѣ казаковъ генерала Мищенки тревожили появлявшіяся на морѣ японскія суда, тащившія на буксирѣ лодки.

Ночь на 14-е апрѣля, проведенная войсками въ окопахъ въ напряженномъ ожиданіи кроваваго столкновенія, прошла спокойно. Нигдѣ не было слышно выстрѣла. Тихо плескали волны р. Ялу о берегъ, да отъ Ичжу доносился временами

безпокойный шорохъ, тамъ копошилась армія Куроки. Многіе наши солдаты засыпали въ окопахъ, утомленные ожиданіемъ. Какой нибудь толчокъ, и они просыпались, хватались за ружья, мутными, сонными глазами смотрѣли въ мракъ ночи, на темныя волны рѣки, но все было тихо...

Лѣвый край расположенія, выбраннаго нами для защиты переправы черезъ рѣку Ялу, примыкалъ къ деревнѣ Тюренченъ. За этою деревнею, къ сѣверу отъ нея, въ р. Ялу впадаетъ почти вездѣ проходимая въ бродъ рѣка Эйхо, за нею на лѣвомъ ея берегу высятся крутыя и скалистыя Хусанскія горы. Охотники 22-го полка доносили, что за рѣкою Эйхо, прикрываясь горами, собираются большія силы японцевъ, что они обходятъ нашъ лѣвый флангъ. Эти-то донесенія и заставили увести 22-й полкъ къ деревнѣ Чингоу и очень ослабить наши войска у Тюренчена.

День 14-го апрѣля былъ посвященъ выясненію—сколько и гдѣ именно за рѣкою Эйхо собирается японцевъ. Для этого черезъ рѣку Эйхо съ утра отправились конные охотники 24-го Восточно сибирскаго стрѣлковаго полка, а потомъ туда же отправились штабсъ-капитанъ Янчисъ и поручикъ Ташкановъ съ конными охотниками 12-го полка и поручикъ Каминскій съ конными охотниками 22-го полка, подкрѣпленные 7-ю ротою того же полка.

На своихъ маленькихъ китайскихъ лошадкахъ, совершенно бѣлыхъ, въ командѣ штабсъ-капитана Янчиса, охотники еще ночью перешли по довольно глубокому броду рѣки Эйхо и безъ дорогъ по горнымъ кручамъ проѣхали цѣпью черезъ Хусанскія горы. Нигдѣ никого не было. Медленно спускались стрѣлки, каждую минуту ожидая града пуль навстрѣчу. Но всюду была тишина. Штабсъ-капитанъ Янчисъ свернулъ за горами вправо и пробрался къ самой рѣкѣ Ялу къ деревнѣ Синдягоу. И въ ней было тихо. Пустынными стояли фанзы, брошенныя китайцами. Изъ-за сѣрыхъ стѣнъ этихъ фанзъ крались охотники къ берегу...

Вотъ и Ялу. Въ темныхъ водахъ ея кровавыми отблесками мелькаютъ и отражаются костры японскихъ лагерей на островѣ Кіури. Тамъ слышенъ въ ночной тиши стукъ топоровъ. На другомъ берегу, противъ острова Кіури, тоже стучатъ топоры— очевидно идетъ постройка моста. Но японскихъ войскъ на лѣвомъ берегу рѣки Эйхо обнаружить нигдѣ не удалось.

Только послѣ полудня у деревни Сиидягоу начали переправляться японцы. Но и ихъ переправилось всего два взвода, которые стали заставами на рѣкѣ Ялу.

Развѣдка штабсъ-капитана Яичиса успокоила отрядъ, но невѣрныя донесенія 22-го полка всетаки оказали свое вліяніе— часть войскъ была отодвинута отъ Тюренчена и 14-го апрѣля, какъ и раньше противъ всей арміи Куроки стояло только 4 баталіона —11-го и 12-го Восточно-сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ.

15-го апрѣля на всѣхъ мѣстахъ, занятыхъ нашими войсками, было тихо. Въ устьѣ рѣки Ялу японцы копошились совершенно открыто, свозя лодки, плоты и доски. По морю спокойно ходили пароходы и миноносцы. Наши войска въ Шахедзахъ и въ Тюренченѣ отдыхали и только дежурныя части занимали окопы. Но 22-й Восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ, стоявшій противъ Хусанскихъ горъ между деревнями Чингоу и Потетынцза, находился въ окопахъ, такъ какъ начальникъ бригады опасался обхода и нападенія на нашъ лѣвый флангъ. Эти трое сутокъ, проведенныхъ стрѣлками 22-го полка въ окопахъ, утомили ихъ больше, нежели цѣлое сраженіе. Поэтому начальникъ отряда генералъ-лейтенантъ Засуличъ отозвалъ генерала Трусова въ Тензы, а командовать участкомъ между Шахедзы и Тюренченомъ поручилъ генералъ-маіору Кашталинскому, назначивъ начальникомъ отряда, стоявшаго въ Шахедзахъ, полковника Шверина.

Такъ, въ томительномъ ожиданіи нападенія, которое вотъ-вотъ должно было совершиться, проводили стрѣлки на Ялу эти весенніе дни. И ожиданіе это было тяжелѣе боя. Въ тысячу разъ охотнѣе бросились бы они на лодки, напали бы на япон-

цевъ, занимавшихъ острова Кіури и Сямалинду, помѣшали бы имъ строить мосты, погнали бы ихъ назадъ въ Корею. Но приказъ—отступать, лишь задержавшись на Ялу,—висѣлъ надъ ними и заставлялъ молча ждать нападенія. И въ этомъ приказѣ—отступать—чувствовали всѣ—и генералы, и офицеры, и солдаты—свое безсиліе, невозможность противостоять японской арміи... И казалась она намъ грозной,—можетъ быть, болѣе грозной, нежели была на дѣлѣ...

И отъ этого волновались начальники, неспокойны были солдаты. Хотѣлось драться, но не ждать. Хотѣлось мѣшать противнику переправляться, ударить самимъ на него, а не подставлять себя подъ удары...

И эти дни казались безконечными. Кое-гдѣ работали, подправляли и углубляли окопы, но и работы шли вяло: не тѣмъ были заняты головы.

А дни смѣнялись ночами и проходили ночи, тихія, теплыя, ласкающія. Зеленѣли кусты и деревья, на поляхъ пробивался молодой гаолянъ, холмы стали зелеными и только Хусанскія горы грозно чернѣли своими скалами за тихо бѣгущей прозрачной рѣкою Эйхо.

Горячее желаніе испытать свои силы, произвести наступленіе было такъ велико, что офицеры и солдаты просились въ бой. 16-го апрѣля, по просьбѣ начальника штаба 3-й Восточно-сибирской стрѣлковой бригады подполковника Линда, произведена была усиленная развѣдка того, что дѣлается японцами за Хусанскими горами. Въ развѣдку эту пошли 2-й баталіонъ 22-го стрѣлковаго полка, 2 конно-охотничьи команды и 2 пѣшихъ орудія.

Въ 2 часа дня конные охотники, бывшіе подъ начальствомъ штабсъ-капитана Яничиса, разсыпались лавою и на своихъ маленькихъ бѣлыхъ лошадкахъ вошли въ воду рѣки Эйхо и быстро перебрались на ту сторону. Не первый разъ продѣлывали они этотъ маневръ. Ходили они за Хусанскія горы не только днемъ, но и ночью, и каждый камень, каждая скала были имъ здѣсь знакомы.

И только показались они на горахъ, какъ въ широкой долинѣ затрещали частымъ огнемъ выстрѣлы и закопошились внизу черныя точки японцевъ. Быстро выѣхали наши орудія на гору, гулко зазвучали выстрѣлы ихъ и стали рваться шрапнели надъ черными линіями японскихъ окоповъ. Бой начался.

Быстро разсыпались въ цѣпи роты. Стрѣльбою задерживались мало, торопились дойти до штыка. Стрѣлковыя цѣпи охотниковъ ловко перебѣгали по скаламъ, за ними и равнялсь на нихъ, бѣжали стрѣлки. Японцы не выдержали огня съ близкаго разстоянія и бросились бѣжать въ горы. Загремѣло по горамъ русское ура, и стрѣлки побѣжали штыками догонять японцевъ. Часть ихъ приняла штыковой бой и столкнулась съ нашими. Одинъ японскій офицеръ, не желавшій сдаваться и припертый стрѣлками къ крутому и отвѣсному берегу рѣки, бросился со скалы въ воду и разбился о камни. Послѣднею уходила японская горная батарея; повьючивъ пушки на лошадей, она рысью догоняла своихъ.

Стрѣлки ворвались въ окопы. 26 убитыхъ и тяжело раненыхъ японцевъ валялись на землѣ. По краснымъ околышамъ фуражекъ, по цифрамъ на погонахъ мы узнали, что это были солдаты 4-го гвардейскаго полка. Ружья, бинокли и карты были брошены въ окопахъ. Мы потеряли 2-хъ человѣкъ убитыми и 19 ранеными. Подобравши убитыхъ и раненыхъ, собравши японскія ружья и снаряженіе, гордыя побѣдой, вернулись наши роты въ шестомъ часу вечера въ Тюренченъ.

Между тѣмъ и рано утромъ, далеко въ горахъ, на сѣверѣ были слышны пушечные выстрѣлы. Какъ узнали потомъ въ Шахедзахъ изъ донесеній,—это переправлялись черезъ рѣку Ялу противъ устья рѣки Амби-хэ части 12-й дивизіи генералъ-лейтенанта Инуйе. Противъ мѣста этой переправы стоялъ отрядъ подполковника Гусева изъ $2^1/_4$ ротъ 24-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, 2 сотенъ Уссурійскихъ казаковъ съ 2-мя горными орудіями.

Въ 10 часовъ утра 2 японскихъ батареи (12 орудій) съ горъ, находящихся на лѣвомъ берегу рѣки Ялу, начали обстрѣли-

вать нашъ берегъ и въ то же время множество понтоновъ, нагруженныхъ японской пѣхотой, отчалили отъ берега и стали переправляться на бывшій здѣсь островъ. 2-я и 10-я роты 24-го стрѣлковаго полка заняли окопы на берегахъ рѣки Амби-хэ, тутъ же стали и горныя пушки. До японцевъ было далеко, снаряды горныхъ орудій долетать не могли, а потому нашъ маленькій отрядъ не могъ помѣшать высадкѣ японцевъ на островъ. Попробовали стрѣлять залпами по японскимъ понтонамъ, но и пули не долетали. Тогда, видя, что японцы окружаютъ отрядъ, подполковникъ Гусевъ приказалъ отходить.

Въ 2 часа японцы принялись за постройку моста съ лѣваго берега Ялу на островъ, а къ 3-мъ часамъ утра постройка была закончена.

Какъ только стрѣлки 22-го полка покинули берегъ рѣки Ялу,—туда причалили японскіе понтоны и съ нихъ стали высаживаться солдаты пѣхотнаго полка 12-й дивизіи. Въ то же время и съ острова Кіури на правый берегъ Ялу переправилось около 9 ротъ японцевъ и 1 эскадронъ.

Становилось ясно, что японцы замышляли собрать большія силы противъ нашего лѣваго фланга. Но начальнику отряда генералу Засуличу трудно было рѣшиться стягивать всѣ свои силы къ Тюренчену, покидая Шахедзы, потому что и съ праваго фланга отъ генерала Мищенки шли тревожныя донесенія. Весь день японскіе пароходы сновали въ устьяхъ р. Ялу, таская за собою баржи съ бревнами и лѣсомъ. Возлѣ деревни Ломбагоу собрали всѣ эти запасы. И тамъ стучали топоры и тамъ сновали японскіе солдаты, и съ минуты на минуту можно было ожидать и здѣсь наводки моста и переправы. Гдѣ была настоящая работа и гдѣ обманъ—рѣшить было невозможно. Быть можетъ, японцы хотѣли, пользуясь тѣмъ, что ихъ вдвое больше,—охватить Восточный отрядъ съ обѣихъ сторонъ... И начальникъ отряда рѣшилъ оставаться пока въ Тюренченѣ, Шахедзахъ и Тензахъ, чтобы быть готовымъ принять японцевъ всюду, куда бы они ни начали наступать...

Такъ, въ постоянной тревогѣ, смущаемыя слухами и справа и слѣва, сбиваемыя часто противорѣчивыми донесеніями и принужденныя бездѣйствовать, провели войска Восточнаго отряда пять тяжелыхъ, мучительныхъ дней.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Обстрѣливаніе японскими батареями Тюренчена 17 апрѣля.—Постройка моста съ ос. Кіури на нашъ берегъ.—Переправа 2-й и гвардейской японскихъ дивизій на правый берегъ р. Ялу ночью на 18 апрѣля.

Въ глубокой тайнѣ, въ тишинѣ и мракѣ апрѣльской безлунной ночи готовили японцы свой ударъ. Въ ночь на 17-е апрѣля на островъ Сямалинду были переправлены всѣ полевыя батареи 2-го артиллерійскаго полка и нѣсколько батарей тяжелыхъ пушекъ-гаубицъ. Такимъ образомъ, всего въ трехъ верстахъ отъ Тюренчена, гдѣ была лишь одна наша батарея—стало до 80 легкихъ и тяжелыхъ орудій, готовыхъ разнести снарядами всѣ мѣста, занятыя нами. Окопы, за которыми стояли японскія пушки, были такъ хорошо прикрыты соломою, пескомъ и тальникомъ, что присутствіе грозной японской артиллеріи на островѣ Сямалинда осталось для насъ совершенно неизвѣстнымъ даже утромъ 17-го апрѣля. Ночью же японцы закончили постройку деревяннаго моста у деревни Дихуадонъ, верстахъ въ 8-ми къ сѣверу отъ Тюренчена, и съ первыми лучами солнца на нашъ берегъ перешелъ еще одинъ полкъ съ батареей. Противъ нашего лѣваго фланга, прикрытаго 2-мя баталіонами 22-го стрѣлковаго полка съ батареей,—стало 2 полка японцевъ съ батареей, бывшихъ подъ командою генералъ-маіора Кіецу. Отрядъ этотъ сейчасъ же послѣ переправы двинулся двумя частями къ дер. Сindягоу и распо-

ложился за Хусанскими горами. Въ 8 часовъ утра еще полкъ пѣхоты, полкъ конницы и батарея подъ командою генералъ-маіора Сасаки перешли черезъ Ялу и продвинулись вглубь Манчжуріи, оттѣснивъ наши посты Уссурійскихъ казаковъ и охотниковъ 24-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка.

Этотъ японскій отрядъ, почти безъ дорогъ, по узкимъ горнымъ тропинкамъ, таща на рукахъ пушки, продвинулся да-

Переправа японцевъ черезъ р. Ялу.

леко впередъ и къ вечеру 17-го апрѣля зашелъ за наше расположеніе и могъ напасть на Тюренченъ сзади.

Едва только показалось солнце изъ-за Корейскихъ горъ и прояснился туманъ, застилавшій рѣчную долину, какъ заревѣли японскія пушки на островѣ Кіури, раздались отрывистые удары ихъ выстрѣловъ, двойные звуки разрывовъ японскихъ шрапнелей, тяжелые взрывы японскихъ гранатъ, называемыхъ шимозами. Въ безоблачномъ небѣ, точно бѣлыя

тучки, поползли дымки шрапнельныхъ разрывовъ, завизжали ся круглыя пульки и стали чаще и чаще подниматься густыя тучи чернаго дыма и земли отъ разрыва шимозъ. То гвардейскія японскія батареи открыли огонь и по Хусанскимъ горамъ и по тылу Тюренчена. Наши четыре орудія 6-й бригады, стоявшія у деревни Потетынцза, попробовали было состязаться съ японской артиллеріей, и даже успѣли выпустить около 300 снарядовъ, но подавленныя страшнымъ превосходствомъ врага замолчали. Въ то же время въ сторонѣ дер. Лизавена показались густыя цѣпи японской пѣхоты.

Стоявшій на Хусанскихъ горахъ полковникъ Громовъ съ 6-ю ротами 22-го полка и 2-мя орудіями, видя, что его обходитъ до шести батальоновъ, сталъ отступать къ дер. Потетынцза. Японцы замѣтили это движеніе и стали провожать отходящихъ стрѣлковъ частою непрерывною стрѣльбою пачками. Въ 22-мъ полку мы потеряли при этомъ 7 человѣкъ убитыми и 33 ранеными и въ 3-й батареѣ 6-й бригады 2 убитыми и 8 ранеными.

Въ половинѣ одиннадцатаго утра съ нашей 2-й батареи 6-й бригады, стоявшей въ Тюренченѣ, возлѣ такъ называемой Телеграфной горы, замѣтили японскія лодки въ главномъ руслѣ рѣки противъ д. Матуцео.

Живо изготовились артиллеристы. Раздалась команда и шрапнель за шрапнелью, со скрежетомъ разсѣкая воздухъ, понеслись къ этимъ лодкамъ. И точно ждали японцы этихъ выстрѣловъ. Сейчасъ же всѣ батареи острова Сямалинды съ близкаго разстоянія стали обстрѣливать Тюренченъ. Вмѣсто тишины весенняго полудня, прерываемой далекими выстрѣлами, казалось все небо надъ Тюренченомъ застонало и завыло, разсѣкаемое тысячами снарядовъ. Горное эхо отвѣчало громовыми раскатами на выстрѣлы. Шимозы японцевъ превосходно попадали въ мѣста расположенія нашихъ бивуаковъ. Онѣ попадали въ фанзы, занятыя стрѣлками, падали въ палатки, ударяли въ гребни окоповъ. Одно время шрапнели осыпали нашу 2-ю батарею, не давая людямъ выйдти изъ око-

повъ. Наблюдавшій стрѣльбу командиръ этой батареи подполковникъ Маллеръ былъ смертельно раненъ. Шимоза ударила въ палатку командира 3-го батальона 12-го стрѣлковаго полка подполковника Пахомова и разнесла его по кусочкамъ. Отъ него нашли только руку да окровавленную челюсть. До 400 снарядовъ легло въ Тюренченѣ. Занимавшіе его стрѣлки все время этой пальбы сидѣли, прижившись спиною къ окопамъ, спустивши ноги въ рвы, и ожидали паденія снарядовъ. А они шуршали въ воздухѣ, выли и ревѣли, все приближаясь. И вдругъ со страшнымъ гуломъ падали на землю и сейчасъ же свистали кругомъ осколки и черной тучей подпимался вонючій дымъ...

Первый разъ по настоящему, живому противнику дѣйствовали новыя скорострѣльныя пушки. Первый разъ быть въ этомъ огнѣ довелось русскимъ войскамъ. И непрерывный свистъ шрапнельныхъ пуль и отчетливые, рѣзкіе, какъ бы звенящіе звуки разрывовъ шрапнели и черный дымъ шимозныхъ взрывовъ, и рѣзкій вой летящихъ осколковъ, и шуршаніе въ воздухѣ пустыхъ стакановъ шрапнели—все это произвело сильное впечатлѣніе на солдатъ. Это не былъ страхъ, нѣтъ, и въ этомъ адѣ, передъ лицомъ носящейся смерти, русскій солдатъ ея не боялся, но это было сознаніе своего безсилія, немощи, невозможности обороняться. Безсонныя, тревожныя ночи, предшествовавшія этому дню, сказались. Бодрость пропадала, недовѣріе къ своимъ силамъ закрадывалось. «Японецъ отовсюду заходитъ, японецъ закружаетъ насъ»,— говорили солдаты. 22-й полкъ отошелъ уже. Отступленіе, предусмотрѣнное командующимъ арміей, начиналось, но оно, это отступленіе, не было предусмотрѣно въ сердцахъ русскихъ людей, русскихъ солдатъ, и имъ казалось, что оно совершается потому, что противостоять японцамъ нѣтъ ни силъ, ни возможности...

Артиллеристы безстрашно пытались вмѣшаться своими ничтожными силами въ этотъ отчаянный бой. 4 орудія 3-й батареи 6-й бригады, стоявшія у дер. Потетынцза, открыли огонь

по японскимъ саперамъ, работавшимъ въ руслѣ между островами Кіури и Осеки и по стоявшей тамъ артиллеріи. Разстояніе было велико, стрѣлять пришлось «на ударъ», то-есть во весь прицѣлъ, съ разрывомъ снаряда при паденіи на землю. Батарея выпустила 180 снарядовъ. Но сейчасъ же японцы стали такъ сильно ее обстрѣливать, что нельзя было вывести прислугу изъ ровиковъ, и она прекратила стрѣльбу.

Въ полдень стрѣльба японскихъ батарей стихла. Наступила томительная тишина. Послѣ грохота выстрѣловъ и воя снарядавъ казалось стало особенно тихо. Но не прошло и получаса, какъ одно за другимъ загремѣли орудія на Сямалиндѣ, имъ стали вторить съ Кіури, и опять ничего не стало слышно, кромѣ воя снарядовъ, проносившихся въ воздухѣ, щелканья шрапнели и взрывовъ шимозъ. Часть снарядовъ была направлена и въ Шахедзы. Они рвались въ пустыхъ улицахъ, разрушали дома, шарили и искали себѣ жертвъ повсюду.

Подъ прикрытіемъ этого огня, не выпуская нашихъ стрѣлковъ изъ окоповъ, японцы въ полной безопасности приступили къ постройкѣ мостовъ съ острова Кіури на нашъ берегъ и на островъ Осеки, а оттуда къ деревнѣ Сиидягоу. Къ ночи эти мосты были готовы.

Въ $5^1/_2$ часовъ вечера, когда солнце, опускаясь къ Фынхуанченскимъ горамъ, стало слѣпить глаза японцамъ, они прекратили стрѣльбу. Теперь совершенная тишина наступила кругомъ. Люди стали выходить изъ окоповъ, разминать отекшія руки и ноги, варить чай, готовить обѣдъ. Тогда стали считать и свои потери. И оказалось, что этотъ страшный огонь, эти тысячи снарядовъ, брошенныхъ японцами въ Тюренченъ и Шахедзы, эти десятки тысячъ осколковъ и пуль, упавшихъ въ окопы, палатки лагерей резервовъ, фанзы и на батареи принесли намъ очень мало вреда. У насъ былъ раненъ полковникъ Мейстеръ, смертельно раненъ подполковникъ Маллеръ и убитъ подполковникъ Пахомовъ. Убито, кромѣ того, 1 офицеръ и 16 нижнихъ чиновъ и ранено 8 офицеровъ и

57 нижнихъ чиновъ—вотъ и все, что сдѣлалъ этотъ страшный огонь, продолжавшійся слишкомъ 7 часовъ.

Но, благодаря этому огню, японцы подготовили вполнѣ свою переправу черезъ Ялу и могли начать свое обходное движеніе.

И когда вечеромъ наши войска оглядѣлись,—они увидѣли, что у японцевъ все готово для атаки нашихъ позицій. И мы ожидали этой атаки тою же ночью. И опять долгую ночь сидѣли стрѣлки въ окопахъ съ ружьями на-готовѣ и томились мучительнымъ, тревожнымъ ожиданіемъ.

Врагъ не спалъ. Онъ работалъ, крадучись, осторожно. Къ 9 часамъ вечера у японцевъ были закончены постройкою всѣ мосты и началось передвиженіе на нашъ берегъ 2-й и гвардейской дивизій. А 18 апрѣля къ разсвѣту вся 1-я армія генерала Куроки была на правомъ берегу, противъ лѣваго фланга Восточнаго отряда.

Но мы этого не знали... Хотя и были получены донесенія о переправѣ японцевъ и о томъ, что ночью отчетливо былъ слышенъ стукъ колесъ перевозимыхъ японцами орудій,—начальникъ Восточнаго отряда не ожидалъ нападенія 18-го апрѣля, а предполагалъ, что въ этотъ день японцы опять будутъ обстрѣливать насъ своею артиллеріею. Вотъ почему на докладъ генерала Кашталинскаго о томъ, что войскамъ, занимающимъ Тюренченъ, въ немъ не удержаться, начальникъ отряда тѣмъ не менѣе приказалъ всѣмъ частямъ оставаться на своихъ позиціяхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мѣсто боя у Тюренчена.—Отходъ 12-го стрѣлковаго полка отъ Тюренчена.—Отступленіе стрѣлковъ 22-го полка отъ д. Потетынцза.—Бой у Чингоу.—Гибель батареи подполковника Покотило.—Бой 12-го полка на р. Хантуходзы.

Настало утро. И снова, какъ всѣ эти дни, изъ розоваго марева безоблачнаго неба, изъ-за фіолетовыхъ горъ, покрытыхъ клубящимся туманомъ, всходило румяное солнце. Это солнце Тюренчена, солнце, озарившее мученическую, доблестную смерть многихъ сотенъ храбрыхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ. Солнце борьбы одного противъ десяти...

Было тихо на мѣстахъ, занятыхъ для боя. Приказаній особыхъ о боѣ не было. Боя тѣмъ не менѣе ждали, душою чувствовали, что онъ будетъ, и не знали, какъ вести себя въ немъ...

Въ это утро наши войска были расположены слѣдующимъ образомъ.

Полуразрушенную деревню Тюренченъ занимали: 5 и 6 роты 11-го полка и 8 рота 24-го полка—это былъ правый участокъ Тюренченской позиціи. Командовалъ имъ подполковникъ Яблочкинъ.

Правый берегъ рѣки Эйхо отъ Телеграфной горы версты на полторы на сѣверъ, лицомъ къ Ялу—занимали шесть ротъ 12-го полка подъ начальствомъ подполковника Цыбульскаго. Сзади нихъ стояли 7 и 8 роты 12-го полка. Еще далѣе, въ глубокой балкѣ, позади Тюренчена находились четыре роты 12-го полка съ 8 пулеметами.

Нѣсколько сзади Тюренчена, деревню Потетынцза занимали: правую часть ея 10 и 11 роты 22-го полка и 6 орудій 3-й батареи 6-й бригады подъ начальствомъ командира батареи подполковника Покотило и лѣвую часть—5 и 12 роты 22-го и 7 рота 11-го полковъ подъ начальствомъ подполковника Горпицкаго.

Еще дальше на сѣверо-западъ у деревни Чингоу стоялъ 1 баталіонъ 22-го полка съ 2 орудіями 3-й батареи 6-й бригады.

Противъ этихъ войскъ, ночью на 18 апрѣля, тихо развертывалась вся японская армія генерала Куроки.

Такимъ образомъ къ утру 18-го апрѣля для встрѣчи 3-хъ японскихъ дивизій, съ осадными, полевыми и горными пушками, мы имѣли всего 7 баталіоновъ и 2 батареи, растянутыхъ на 12 верстъ.

Какъ только солнце позолотило холмы и овраги Тюренчена, загремѣли тяжелыя пушки на островѣ Сямалинда и, со скрежетомъ разсѣкая воздухъ, понеслись снаряды въ Тюренченъ. 20 минутъ продолжалось обстрѣливаніе деревни по всѣмъ направленіямъ. Потомъ стало совершенно тихо и до 6 часовъ 40 минутъ утра все было спокойно на нашихъ позиціяхъ.

Въ это время стрѣлки 5-й роты 22-го полка, находившіеся у деревни Потетынцза, замѣтили передвиженіе японскихъ постовъ на лѣвомъ берегу рѣки Эйхо и сейчасъ же открыли по нимъ огонь залпами...

Было семь часовъ утра. Роты, находившіяся внѣ окоповъ, только что стали занимать ихъ. И тутъ же стрѣлки увидѣли, что тотъ берегъ рѣки Эйхо, широкая долина, мѣстами видная за Хусанскими горами, покрывается японскими войсками. Японцы шли маленькими кучками—звеньями, шли открыто и смѣло. Не только въ бинокль, но и простымъ глазомъ было видно, что одѣты они въ темно-синіе мундиры и бѣлые гамаши (чулки). Число ихъ быстро увеличивалось, изъ-за горъ появлялись все новыя и новыя кучки людей, то растягиваясь въ цѣпи, то сжимаясь въ звенья, они шли къ рѣкѣ Эйхо. Разстояніе до нихъ еще было около 2-хъ верстъ.

И тогда съ нашей стороны рѣзко, отчетливо и властно стали звучать короткіе залпы.

И точно ждали этого японцы! Сейчасъ же всѣ японскія батареи, всѣ 20 осадныхъ и 72 полевыхъ пушки загремѣли съ острова Сямалинды и изъ-за деревни Сindягоу и начали

обстрѣливать вдоль и поперекъ Тюренченскую позицію. Шрапнели осыпали окопы 12-го стрѣлковаго полка, тяжелые снаряды срывали съ нихъ землю и падали на дно окоповъ убитые и медленно ползли назадъ раненые...

А между тѣмъ уже за тонкими цѣпями показались болѣе густыя колонны японцевъ. Батарея подполковника Покотило, стоявшая у деревни Потетынцза, попробовала открыть огонь по этимъ колоннамъ, но сейчасъ же на шесть нашихъ пушекъ обрушились всѣ гвардейскія батареи. Задымилась отъ дымковъ рвущихся шрапнелей батарея Покотило, со свистомъ понеслись пули по прислугѣ и наши шесть пушекъ смолкли подъ огнемъ 20 японскихъ орудій.

Цѣпи японцевъ приближались смѣло къ нашей позиціи у Тюренчена. Иногда онѣ останавливались. Японцы ложились и открывали частый огонь пачками по нашимъ окопамъ. Стрѣлки 12-го полка отвѣчали изъ окоповъ. Но довольно открытые окопы наши, не имѣвшіе никакихъ укрытій для головы стрѣлка, дѣлали то, что стрѣлки стрѣляли безпокойно и мало поражали отчетливо видныхъ на желтыхъ песчаныхъ берегахъ рѣки Эйхо японцевъ.

Къ гулу орудійныхъ снарядовъ, къ реву и тяжелому буханію пушекъ теперь присоединились частая трескотня японскихъ ружей и наши залпы и нашъ частый огонь пачками.

Японцы уже входили въ воду рѣки Эйхо, по грудь и по шею шли они черезъ рѣку. Тяжелые снаряды японскихъ пушекъ били по самому гребню окоповъ, срывали землю и темнымъ и ѣдкимъ дымомъ своимъ застилали глаза стрѣлкамъ. Лѣвофланговыя наши роты почти не приносили японцамъ вреда. Но за то бывшія на правомъ нашемъ флангѣ, менѣе обстрѣливаемыя, лучше укрытыя роты подполковника Яблочкина, а также 4-я и 6-я роты 12-го полка, занимавшія окопы Телеграфной горы, развили страшно сильный огонь по переправляющимся черезъ рѣку японцамъ. Японскія цѣпи стали приходить въ замѣшательство. Раненые падали въ воду и тонули, другіе не шли въ рѣку и топтались на берегу. Но на

Русскій отрядъ.

Бивакъ японской арміи. Обходныя колонны японцевъ.

смѣну утонувшихъ шли новыя и новыя цѣпи и, казалось, не будетъ конца этому движенію японцевъ...

4-й и 29-й японскіе полки въ 8 часу утра уже переправились черезъ рѣку Эйхо и длинными цѣпями охватывали Тюренченъ слѣва. Спереди окопы Тюренчена громили японскія пушки... Въ 9 ротахъ 12-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка, бывшихъ здѣсь, убыли изъ строя убитыми и ранеными 4 ротныхъ командира и много нижнихъ чиновъ.

Тогда приказано было 12-му полку оставить Тюренченъ и отходить назадъ въ долину р. Хантуходзы.

Какъ только стрѣлки 12-го полка оставили окопы въ Тюренченѣ—японцы начали взбираться на высоты между Тюренченомъ и Іогу. Тогда наши роты остановились на вершинахъ Тюренченскихъ холмовъ и стали стрѣлять по японцамъ, а 6-я рота лихо бросилась на японцевъ въ штыки. Японцы отхлынули назадъ, а 6-ю роту стали разстрѣливать шедшія сзади нихъ части резервовъ.

Такъ, послѣ часового боя, въ 8-мъ часу утра 12-му Восточно-сибирскому стрѣлковому полку пришлось покинуть Тюренченъ подъ напоромъ 2-й и гвардейской японскихъ дивизій.

Широкая долина р. Хантуходзы, куда отходили стрѣлки, уже обстрѣливались японцами, занявшими Хусанскія горы и холмы Тюренчена. Для задержанія японцевъ, въ эту долину направлена была генераломъ Засуличемъ пулеметная рота, 2-ая батарея 6-й Восточно-сибирской стрѣлковой бригады, а потомъ еще и 2 баталіона 11-го Восточно-сибирскаго стрѣлковаго полка. Передъ отступившими стрѣлками 12-го полка, наскоро остановившимися здѣсь, разстилалась широкая долина рѣчки Хантуходзы. Впереди были холмы занимаемаго японцами Тюренчена, влѣво—высокія горы у Потетынцзы и Чингоу, вправо вдали виднѣлись холмы Шахедзы.

Пулеметы, 2-ая батарея и части 12-го полка стали здѣсь и къ нимъ небольшими кучками стали подходить отъ Тюренчена остальные стрѣлки 12-го полка.

Раненые волочились сзади. Иныхъ настигали японскія пули и они падали, чтобы уже больше не вставать. И все больше и больше неподвижныхъ темныхъ тѣлъ покрывало долину и скаты Тюренчэнскихъ холмовъ. Японцы бросились было отъ Тюренчена, чтобы преслѣдовать 12-й полкъ, но огонь 2-й батареи и пулеметовъ остановилъ ихъ. Къ 10 часамъ утра стрѣлки собрались за рѣкою Хаитуходзы и стали въ резервѣ. Въ 11-мъ часу все здѣсь затихло. Куроки пріостановилъ наступленіе гвардіи и 2-й дивизіи въ ожиданіи, когда 12-ая дивизія закончитъ свой обходъ нашего лѣваго фланга.

Съ ранняго утра 6 гвардейскихъ и 3 батареи 2-го японскаго артиллерійскаго полка обстрѣливали отрядъ полковника Громова частымъ шрапнельнымъ огнемъ. Но, благодаря хорошему устройству окоповъ въ деревнѣ Потетынцза, мы имѣли мало потерь, а стрѣлки 22-го полка перестрѣливались съ японской пѣхотой, отлично видной на берегахъ рѣки Эйхо. И отъ этого японцы наступали здѣсь медленно. Утомленные тяжелымъ переходомъ наканунѣ по горнымъ тропамъ, японскіе солдаты шли вяло, выжидая подкрѣпленій и дальнѣйшаго обхода 12-й дивизіи.

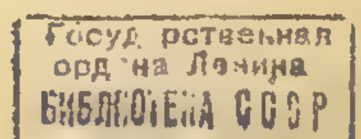
Около 9 часовъ утра къ полковнику Громову подъѣхалъ конный охотникъ и доложилъ ему, что слѣва показалось очень много японцевъ.

Полковникъ Громовъ поднялся на холмъ и увидѣлъ, что по горнымъ склонамъ чернѣютъ длинныя густыя колонны японцевъ. Это шли главныя силы 12-й дивизіи.

Тогда полковникъ Громовъ приказалъ стрѣлкамъ 22-го полка отходить на тропу южнѣе деревни Чингоу. На рукахъ скатили стрѣлки орудія батареи подполковника Покотило внизъ съ кручи у деревни, а за ними пошли 7-ая и 10-ая роты 22-го полка, назначенныя въ прикрытіе.

И здѣсь такъ же, какъ и въ Тюренченѣ, бой затихъ.

Около 10 часовъ утра въ деревню Тензы пріѣхалъ начальникъ Восточнаго отряда генералъ Засуличъ.

Въ это время изъ Тензы выступали 1-й и 3-й баталіоны 11-го полка съ 3-ю батареею 3-й бригады, подъ начальствомъ полковника Лайминга. Генералъ Засуличъ приказалъ Лаймингу прикрыть отходъ отступающихъ частей.

Отрядъ потянулся внизъ туда, гдѣ только что непрерывно гремѣли выстрѣлы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ Засуличъ послалъ приказаніе полковнику Шверину, занимавшему Шахедзы, очищать городъ и сжигать склады продовольствія.

Около десяти часовъ утра надъ Шахедзами показались густые клубы дыма, стало видно и пламя. Горѣли наши склады. Въ то же время оттуда ушелъ отрядъ полковника Шверина, направляясь на Фынхуанченъ...

Отступленіе главныхъ силъ началось. Но передовымъ частямъ, стоявшимъ у Тюренчена, Потетынцзы и Чингоу, предстояло пережить еще много тяжелыхъ минутъ.

Какъ только орудія 3-й батареи 6-й Восточно-сибирской бригады, стоявшія у деревни Потетынцзы, были спущены внизъ и надѣты на передки, батарея карьеромъ понеслась по Тюренченской дорогѣ. Роты прикрытія не могли за нею поспѣть. Часть стрѣлковъ побѣжала за батареей, часть стала брести въ разныя стороны. Подполковникъ Покотило поскакалъ за своей батареей, чтобы вернуть ее.. А между тѣмъ гвардейская пѣхота и полки 12-й японской дивизіи уже захватили деревню Потетынцзы и окружали со всѣхъ сторонъ отрядъ полковника Громова.

Стрѣлки 22-го полка оказались въ горахъ со всѣхъ сторонъ окруженными японцами. Куда ни трогались роты,—онѣ всюду попадали подъ огонь японцевъ. Тогда 5-я, 6-я, 7-я, 8-я, 9-я, 10-я и 12-я роты 22-го полка стали въ безпорядкѣ отходить горами на западъ, направляясь каждая туда, куда ей это казалось безопаснѣе. Уныло брели люди по одному, по два,

по три, кое-гдѣ, гдѣ былъ офицеръ—шли взводомъ, направляясь на Тензы, на сѣверъ, къ Фынхуанчену...

Такъ къ 10-ти часамъ утра на своемъ мѣстѣ оказался только 1-й баталіонъ 22-го полка съ 2-мя орудіями 3-й батареи 6-й бригады и 20-ю охотниками, стоявшій у Чингоу.

Около 10 часовъ утра стрѣлки, занимавшіе Чингоу, увидѣли, что японцы гуськомъ пробираются по горной тропинкѣ къ броду черезъ рѣку Эйхо. Это и былъ обходъ нашей позиціи полками 12-й японской дивизіи.

Поручикъ Шаляпинъ, командовавшій артиллерійскимъ взводомъ, сталъ обстрѣливать японцевъ шрапнелью. Японцы остановились и открыли частый огонь по стрѣлкамъ и батареѣ. Скоро, сраженный пулею, упалъ раненый поручикъ Шаляпинъ; его замѣнилъ фейерверкеръ, но и его свалила японская пуля. На мѣсто командира взвода сталъ наводчикъ, но и его скоро ранили... Тогда взводъ сошелъ съ позиціи, а за нимъ потянулся и 1-й баталіонъ 22-го полка. Такъ очищена была нами и послѣдняя наша позиція на рѣкѣ Эйхо и 12-я дивизія японцевъ стала торопиться отхватить наши роты, отступавшія къ Фынхуанчену.

Подполковникъ Покотило, поскакавшій за своей батареей, догналъ ее лишь черезъ двѣ версты и приказалъ вернуться на Потетынцза, а оттуда идти на Чингоу. Батарея повернула назадъ и одна, безъ всякаго прикрытія, пошла за своимъ командиромъ къ деревнѣ. Но дорога была уже занята японцами. Куда ни смотрѣли,—вездѣ бинокль открывалъ темные мундиры японцевъ. И въ Потетынцза и у Чингоу—все кишѣло ими. Какъ муравьи, покрыли они горы, и пути назадъ не было. Оставалось одно—опять идти на Тюренченъ. И снова батарея повернула и пошла по узкой, углубленной дорогѣ къ Тюренченскимъ холмамъ. Здѣсь ее замѣтили японцы. Ихъ цѣпи бѣгомъ бросились къ беззащитной, батареѣ, которой нельзя было даже сняться съ передковъ и стрѣлять. Японцы залегли въ горахъ надъ батареей и, не смѣя броситься на артиллеристовъ, вооруженныхъ лишь шашками и револьверами, стали разстрѣливать

нхъ изъ ружей. Стали падать убитыми лошади. Въ двухъ ящикахъ и въ одномъ передкѣ поломались дышла. Беззащитная батарея стала...

Тогда подполковникъ Покотило приказалъ выпрячь лошадей, испортить орудія, а людямъ уходить въ разбродъ на западъ. И вотъ, подъ частымъ огнемъ непріятеля, артиллеристы снимали замки, отвинчивали прицѣлы, рукоятки, предохранители, брали угломѣры. Подъ огнемъ падали люди. 8 человѣкъ солдатъ въ батареѣ было убито, 15 ранено и 38 лошадей убито. И когда ушли послѣдніе люди, на раненыхъ и убитыхъ людей и лошадей, на брошенныя испорченныя пушки бросились солдаты 3-го японскаго гвардейскаго полка...

Теперь всѣ тѣ мѣста, гдѣ больше мѣсяца стояли стрѣлки, были въ рукахъ у японцевъ. Тюренченъ кишѣлъ ими, полны были ими и Потетынцза и Чингоу. Наши полки уже шли къ Фынхуанчену и только на холмахъ надъ долиною рѣки Хантуходзы оставались 12-й Восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ съ 7-ю орудіями 2-й батареи 6-й Восточно-сибирской стрѣлковой бригады и 8-ю пулеметами, да къ нимъ спѣшили отъ Тензы 1-й и 3-й баталіоны 11-го полка. Эти 5 баталіоновъ, ослабленныхъ потерями въ утреннемъ бою, должны были грудью своею прикрыть отъ натиска арміи Куроки весь Восточный отрядъ, стягивавшійся на Фынхуанченскую дорогу.

Съ 9 часовъ утра до половины второго часа на этомъ новомъ мѣстѣ боя было тихо. Изрѣдка за Тюренченскими горами коротко бухали пушки. Японцы нѣтъ-нѣтъ да посылали тяжелый осадный снарядъ въ нашу сторону. Но снаряды до насъ не долетали.

Куроки ждалъ, когда артиллерія перейдетъ черезъ рѣку Эйхо. Его утомленные ночными работами по переправѣ и утреннимъ боемъ солдаты не шли впередъ. И командующій 1-й японской арміей терпѣливо ждалъ, когда поѣдятъ и подкрѣпятъ свои силы его солдаты.

Во 2-мъ часу дня генералъ Кашталинскій приказалъ отряду, занимавшему долину р. Хаптуходзы, отходить на Фынхуанченскую дорогу.

Едва только стрѣлки поднялись со своей позиціи, какъ генералъ Куроки приказалъ возобновить наступленіе.

И не прошли стрѣлки 12-го полка и 2-хъ верстъ отъ Хаптуходзы, какъ увидѣли, что они отрѣзаны.

Спереди на нихъ насѣдалъ, осыпая пулями, передовой отрядъ японской гвардіи, а сзади противъ нихъ собрался отрядъ японскаго полковника Умесава изъ 2 баталіоновъ 4-го гвардейскаго и 2 баталіоновъ 30-го полка и гвардейской кавалеріи.

Бывшій при 12-мъ стрѣлковомъ полку начальникъ штаба 3-й стрѣлковой бригады подполковникъ Линда приказалъ капитану Павловскому съ 9-й и 11-й ротами атаковать японцевъ, обошедшихъ насъ. Ротный командиръ капитанъ Ракушинъ самъ поднялъ цѣпи своей роты и подъ страшнымъ огнемъ повелъ ихъ на японцевъ. Люди падали убитыми и ранеными, цѣпь рѣдѣла и, наконецъ, повернула назадъ. *Но доблестный капитанъ Ракушинъ остановилъ ее и, поддержанный 7-ю и 8-ю ротами, снова пошелъ въ атаку. Это остановило японцевъ и дало возможность стрѣлкамъ, все время осыпаемымъ пулями, выйдти, наконецъ, на Фынхуанченскую дорогу.*

Здѣсь, у деревни Тученза, полкъ остановился. Какъ сильно порѣдѣли его ряды! Вмѣсто ротъ стояли взводы. Не было офицеровъ. Стрѣлковъ построили, расчитали и изъ 12-ти ротъ сдѣлали шесть. Въ этомъ бою стрѣлки 12-го полка изъ 2.174 человѣкъ потеряли 11 офицеровъ убитыми, 10 ранеными, 2 безъ вѣсти пропавшими, 273 стрѣлка убито, 352 ранено, 212 пропало безъ вѣсти; кромѣ того было ранено и осталось въ строю 2 офицера и 47 стрѣлковъ.

Шедшій на выручку 12-го полка 11-й Восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ въ 2 часа дня занялъ позицію на дорогѣ, идущей изъ Тюренчена на Хаметанъ. Здѣсь же въ лощинѣ

стали 3 батарея 3-й бригады и пулеметная рота. Мѣсто, занятое стрѣлками 11-го полка для боя, представляло собою гору съ весьма крутыми скатами. Ни одного укрытія не было на этой горѣ, а за ней разстилалась лощина, ровная и чистая, безъ куста, безъ балки, безъ канавы или валика.

Солнце уже склонялось къ западу, когда стрѣлки, пришедшіе изъ резерва, впервые увидали японцевъ. Сначала показались рѣдкіе дозоры, за ними потянулись густыя и темныя цѣпи японцевъ.

Японцы наступали на 1-й баталіонъ спереди и въ то же время обходили его слѣва. Начался сильный и частый ружейный огонь съ обѣихъ сторонъ, причёмъ не прикрытые стрѣлки стали падать убитыми и ранеными. На поддержку 1-го баталіона пришелъ 3-й и, выславъ свои роты въ цѣпь, соединился съ ротами 1-го баталіона. Все шло у стрѣлковъ, какъ на ученьи.

3-я батарея 3-й бригады подполковника Муравскаго получила приказаніе генерала Кашталинскаго отходить на Фынхуанченскую дорогу. Но, едва она тронулась, какъ засвистали и защелкали надъ нею японскія пули. Шедшіе впереди зарядные ящики прибавили рыси и прошли обстрѣливаемое мѣсто благополучно, но орудія замялись. Передъ ними стали быстро перебѣгать японцы, ихъ цѣпи занимали горы и оттуда спускались къ самой дорогѣ. Нужно было открыть себѣ проходъ силою.

Подполковникъ Муравскій приказалъ поручику Хрущову съ двумя орудіями обстрѣлять японскія цѣпи шрапнелью, а остальныя четыре орудія хотѣлъ провести, прикрываясь огнемъ орудій Хрущова. Но уже было поздно. Японцы подобрались близко, ихъ огонь сталъ удивительно мѣтокъ и въ запряжкахъ начали падать лошади. *Батарея стала. — «Съ передковъ!» — скомандовалъ Муравскій и подъ пулями, падавшими на дорогу, какъ крупныя капли лѣтняго*

дождя, люди на рукахъ подкатили орудія и стали немного въ сторонѣ впереди орудій Хрущова. Уже въ это время нѣсколько человѣкъ упало убитыми и ранеными, но остальные дѣлали свое дѣло. Снарядовъ было немного. Зарядные ящики ушли — остались только тѣ снаряды,которые батарея возитъ съ собой въ передкахъ. Подъ градомъ пуль, бѣгомъ добѣжали солдаты до передковъ съ убитыми и ранеными лошадьми и принесли снаряды. Японцы были близко. Отлично были видны ихъ темные мундиры и желтые околыши фуражекъ. Помощи ждать было неоткуда. 11-й стрѣлковый полкъ самъ боролся противъ тысячъ японцевъ и былъ уже окруженъ—батареѣ оставалось только умереть съ честью. Въ эти страшныя минуты всѣ на батареѣ: и офицеры и солдаты понимали и сознавали одно—спасенья нѣтъ. Эти часто падавшія пули, то ударявшія съ звономъ въ орудіе, то мягко щелкавшія по землѣ, то валившіяся на землю кого-либо изъ артиллеристовъ, были неизбѣжны, какъ неизбѣжна судьба. Уже при видѣ упавшаго товарища не кричали:—«носилки»—потому что некому, да и некуда было уносить раненыхъ. Каждый на этой одинокой, охваченной японцами, батареѣ думалъ одно: возможно дороже продать свою жизнь. И огонь батареи былъ мѣтокъ. Упалъ убитымъ подполковникъ Муравскій, его смѣнилъ штабсъ-капитанъ Петровъ, но и его свалила пуля; раненый, потерявшій сознаніе, онъ упалъ подлѣ пушекъ. Не хватало людей заряжать и носить снаряды:—оставшіеся старались поспѣть на два, потомъ на три, наконецъ на всѣ четыре орудія. Одинъ и тотъ же номеръ несъ работу шести номеровъ. Онъ приносилъ снарядъ, онъ вкладывалъ его въ пушку, онъ закрывалъ затворъ, онъ наводилъ и стрѣлялъ. Отчаяніе удесятеряло силы. Эта доблестная батарея таяла, умирала, валялась на землѣ, мучимая ранами, но не сдавалась. Остатками командовалъ поручикъ Ивановъ,пока его не ранили;—батарея осталась безъ командира, почти безъ прислуги, почти безъ снарядовъ.

Единственный оставшійся въ живыхъ и не раненый офицеръ ея поручикъ Костенко съ бомбардиромъ-наводчикомъ Кіяшко

и еще съ двумя номерами вчетверомъ стрѣляли изъ четырехъ орудій... И вотъ дострѣляны послѣдніе патроны. Раненъ послѣдній офицеръ батареи поручикъ Костенко. Страдая отъ раны, въ залитомъ кровью мундирѣ, съ помутившимся сознаніемъ онъ, какъ въ бреду, продолжаетъ работать. Эти четыре человѣка, какъ тѣни, бродятъ между орудіями; они вынимаютъ прицѣлы, разбираютъ замки и идутъ помочь своему 4-му взводу, яростно отстрѣливающемуся подъ командою поручика Хрущова.

Мертвая батарея изъ 4-хъ орудій осталась на дорогѣ, покрытая тѣлами убитыхъ, окруженная молчаливыми страдальцами, ранеными героями-артиллеристами. Но японцы не смѣли еще подойти и забрать пушки. Ихъ сдерживалъ мѣткій огонь взвода поручика Хрущова, положившаго двухъ офицеровъ и половину солдатъ одной изъ японскихъ ротъ, бросившейся было въ атаку.

Къ этому взводу пристроились пулеметы, а около 4-хъ часовъ дня къ нимъ подошли и 7 орудій 2-й батареи 6-й Восточно-сибирской бригады. Эти наши 9 пушекъ и пулеметы не пускали японцевъ спуститься съ горъ и забрать открыто дравшійся 11-й стрѣлковый полкъ. И тѣмъ сильнѣе стрѣляли японцы изъ ружей, сгущая свои цѣпи, заходя все дальше и дальше горами, окружая стрѣлковъ со всѣхъ сторонъ.

. На помощь японской пѣхотѣ около четырехъ часовъ дня подошли 3 батареи и стали осыпать шрапнелями наши цѣпи. Все больше и больше ружей умолкало, выпадая изъ коченѣющихъ рукъ убитыхъ стрѣлковъ. Кое-гдѣ роты отошли, но останавливались и снова занимали позиціи.

Этотъ доблестный полкъ, эти 9 пушекъ, не считая 4-хъ замолкнувшихъ навѣки, эти восемь пулеметовъ сдерживали всю армію Куроки. И гвардейцы Ватанабе и почти вся 12-я девизія, полки Умесава не могли сломить лишь *одного полка русской пѣхоты. Онъ таялъ, онъ умиралъ, онъ истекалъ кровью, но не уходилъ, стоя желѣзнымъ заслономъ всему Восточному отряду.*

За его спиною, измученные, потрясенные, потерявшіе половину товарищей, отходили стрѣлки 12-го полка; за его спиною свертывались полевые госпитали и лазареты, и по узкой горной дорогѣ уходили на западъ къ Фынхуанчену...

А онъ оставался одинъ, видя, что его окружаютъ, видя, что смерть или плѣнъ грозятъ ему...

Смерть—да, но только не плѣнъ!

Доблестные стрѣлки о сдачѣ не думали. Твердые сознаніемъ священнаго долга погибнуть самимъ, но выручить товарищей,—они крѣпко стояли, ожидая атакъ врага...

Полковникъ Н. А. Лаймингъ.

Къ командиру полка подъѣхалъ подполковникъ Линда и передалъ, что можно начать отступленіе. Но полковникъ Лаймингъ, узнавъ, что еще не весь отрядъ вытянулся на Фынхуанченскую дорогу, отвѣчалъ:

«Мнѣ приказано прикрыть отступленіе всего отряда, и я головой отвѣчаю за это!»

Русскій командиръ полка умѣлъ исполнить свой долгъ до конца.

А между тѣмъ пули японцевъ уже стали осыпать нашихъ стрѣлковъ не только спереди, но и сзади. Пришлось отодвинуться.

Въ полномъ порядкѣ отошли роты 11-го полка, спустились съ горы и, перейдя совершенно открытую долину, заняли лежавшую здѣсь небольшую горку. Она со всѣхъ сторонъ была окружена высокими горами, и японцы спѣшили теперь занять ихъ, чтобы сверху, со всѣхъ сторонъ, поражать противника.

3-й и 4-й полки японской гвардіи и 30-й полкъ сейчасъ же взобрались на ту высокую гору, которую только что покинулъ 11-й полкъ, горныя орудія и части 12-й японской дивизіи заняли горы напротивъ, а 24-й японскій полкъ торопился захватить единственную еще свободную дорогу черезъ перевалъ въ Хаметанъ.

Приближался послѣдній часъ для нашихъ стрѣлковъ. Потерявшіе около половины офицеровъ, съ малымъ числомъ людей въ ротахъ, они принуждены были отстрѣливаться во всѣ стороны. 2 орудія поручика Хрущова и 2-я батарея 6-й бригады стрѣляли по всѣмъ направленіямъ. Орудія, ящики, повозки, пѣхота:—все это занимало небольшую долинку и разстрѣливалось сверху японцами.

Вечерѣло. Розовѣлъ закатъ, покрывая золотомъ окровавленные холмы. Японцы занимали послѣдній путь отступленія—дорогу на Хаметанъ.

Было 5 часовъ вечера, когда полковникъ Лаймингъ рѣшилъ штыками пробить путь спасенія своему полку. Онъ сѣлъ верхомъ. По его командѣ къ нему сбѣжались первыми роты 3-го баталіона.

Сюда же, къ командиру, поднесли полковое знамя, сопровождаемое 1-ю ротою, сошлись съ перевязочнаго пункта нестроевые и музыканты. Стихъ съ нашей стороны ружейный огонь, все замолкло въ долинѣ и только попрежнему кругомъ непрерывно трещали выстрѣлы японскихъ винтовокъ, да свистали и щелкали пули, выводя людей изъ рядовъ.

Настала торжественная и удивительная минута. Передъ полкъ вышелъ священникъ, отецъ Щербаковскій, и высоко поднялъ въ рукѣ своей крестъ. Золотыми блестками заиграло на немъ солнце. Сняли шапки стрѣлки и перекрестились. Та молитва для многихъ была послѣдней.

— Съ Богомъ, братцы!—сказалъ полковникъ Лаймингъ.— Музыканты, маршъ!..

Вольнонаемный капельмейстеръ Лоосъ взмахнулъ палочкой и навстрѣчу свисту пуль, заглушая трескотню японскихъ

выстрѣловъ, грянулъ маршъ. Люди взяли ногу и широкимъ стрѣлковымъ шагомъ, держа ружья на-перевѣсъ, пошли на японцевъ. Оставшіяся одни орудія взвода Хрущова и 2-й батареи 6-й бригады стали обстрѣливать частымъ шрапнельнымъ огнемъ японскія цѣпи на перевалѣ.

Въ серединѣ колонны вели подъ-руку и несли на носилкахъ раненыхъ...

И съ каждымъ шагомъ этой страшной атаки падали люди. Раненыхъ подхватывали, убитыхъ обходили и съ новою смертью суровѣе сдвигались брови у стрѣлковъ, крѣпче сжимали они винтовки и тверже ступали ногою...

Упалъ убитый полковникъ Лаймингъ, доблестный командиръ полка, убитъ и командиръ 3-го баталіона подполковникъ Дометти... Падаютъ сраженные пулями четыре ротныхъ командира. Вотъ и ярко сіяющій въ воздухѣ золотомъ крестъ покачнулся. Отецъ Щербаковскій раненъ въ правую руку. Какъ видно, японцы цѣлились прямо въ крестъ. Быстро нагнулся священникъ, перехватилъ крестъ въ лѣвую руку—и знаменіе вѣры опять высоко заколыхалось впереди грознаго баталіона...

Съ трудомъ идетъ и капельмейстеръ Лоосъ,—онъ раненъ... Музыканты сбились было съ такта, смолкли на мгновеніе, но вдругъ сразу полились родные звуки народнаго гимна! А навстрѣчу ему изъ измученныхъ грудей грянуло потрясающее ура! Кричали и раненые, залитые кровью, заглушая стоны лежавшихъ на носилкахъ. Широкимъ потокомъ бросились стрѣлки въ атаку на перевалъ. Бѣжали раненые, бѣжали люди съ носилками, бѣжалъ впереди, благословляя крестомъ, священникъ...

Отхлынули японскія цѣпи! Онѣ не посмѣли принять этой атаки храбрецовъ. Только резервы ихъ издали открыли жестокій огонь по нашей густой колоннѣ. Цѣлая дивизія японцевъ не посмѣла сойтись на штыкъ съ остатками русскаго полка.

Дорога на Тензы была открыта. Провожаемые японскими пулями, уходили стрѣлки, унося свое знамя, а за ними, хро-

мая, ковыляя, опираясь на ружья, потянулись всѣ раненые, которые хотя какъ-нибудь могли идти.

11-й Восточно-сибирскій стрѣлковый полкъ потерялъ здѣсь 14 офицеровъ убитыми и 9 ранеными. Стрѣлковъ было убито 206 и ранено 360, пропало безъ вѣсти—281, а всего изъ 2.000 убыло 847. Осталось въ строю раненыхъ 2 офицера и 35 нижнихъ чиновъ...

А по японскимъ цѣпямъ и резервамъ все также вели огонь русскія пушки и шрапнели осыпали врага. То стрѣляли оставшіеся на полѣ орудія 2-й и 3-й батарей 6-й и 3-й Восточно-сибирскихъ бригадъ. Имъ вторили 8 пулеметовъ и ружья прикрытія остатковъ 3-й и 8-й ротъ 11-го полка. Стрѣльбою управлялъ штабсъ-капитанъ Сапожниковъ. Орудія стрѣляли во всѣ стороны, потому что всюду былъ врагъ...

Пулеметы вскорѣ замолкли... — не стало патроновъ. Ихъ попробовали унести черезъ крутые утесы, но падали несшіе ихъ стрѣлки подъ мѣткимъ огнемъ японцевъ. Пришлось вынуть затворы и оставить негодные пулеметы врагу. Смолкли понемногу и пушки. Японцы теперь направили противъ этой маленькой кучки людей частый и мѣткій огонь многихъ ротъ. Въ нѣсколько минутъ были перестрѣляны лошади въ зарядныхъ ящикахъ и передкахъ. Офицеры, поручики Костенко и Щегольковъ и подпоручикъ Хабаровъ были ранены. Во взводѣ 3-й батареи осталось только пять человѣкъ прислуги. Раненый поручикъ Ивановъ управлялъ дѣйствіями орудій, раненые солдаты-артиллеристы, на-скоро перевязавшись, снова шли къ орудіямъ и помогали, сколько могли. *Наши батареи умирали, но не сдавались.* Прикрытіе стрѣлковъ почти все полегло подъ японскими пулями и смолкло. Наконецъ пронеслось страшное извѣстіе—нѣтъ больше снарядовъ...

Все рѣже и рѣже стрѣляли наши пушки. Японцы надвигались все ближе и ближе и теперь уже били безъ промаха. Отовсюду виднѣлись ихъ загорѣлыя лица, и только еще кру-

Полковой священникъ о. Щербаковскій въ бою подъ Тюренченомъ.

(Лѣтопись войны съ Японіей Дубенскаго).

тая и скалистая вершина горы, прижавшись къ которой стояли наши пушки, была свободна.

Гулко прогудѣлъ нашъ послѣдній выстрѣлъ... Штабсъ-капитанъ Сапожниковъ приказалъ оставшимся людямъ вынуть, разобрать и запрятать затворы, а затѣмъ 4 офицера, изъ нихъ трое раненыхъ, и 40 солдатъ артиллеристовъ, стали карабкаться на скалы, цѣпляясь за кусты и камни, перевалили гору и ушли...

Пулеметная рота потеряла здѣсь 15 человѣкъ убитыми и 35 ранеными и 22 лошади. Въ 3-й батареѣ 3-й бригады убито 3 офицера и 24 нижнихъ чина и ранены 2 офицера и 58 нижнихъ чиновъ, то есть почти всѣ, и выбиты 72 лошади; во 2-й батареѣ 6-й бригады убито 2 офицера и 32 нижнихъ чина и раненъ 1 офицеръ и 30 нижнихъ чиновъ и выбито 76 лошадей...

Тихо стало на полѣ сраженія, покинутомъ русскими... Безмолвныя стояли пушки, залитыя кровью своихъ защитниковъ. Кругомъ валялись пустыя гильзы отъ артиллерійскихъ патроновъ, окровавленныя тряпки, шашки, фуражки... Мертвыя тѣла лежали въ сторонѣ.

Сюда, къ этимъ останкамъ батареи, минуту тому назадъ изнемогавшимъ въ непосильной борьбѣ, къ этимъ закопченнымъ и окровавленнымъ орудіямъ проворно сбѣгались японцы...

Черезъ три дня, 22 апрѣля, весь Восточный отрядъ стянулся въ деревню Туинпу, раскинулся вдоль горной рѣчки бивакомъ и сталъ на отдыхъ.

Здѣсь расчитали снова роты, здѣсь подсчитали раненыхъ и убитыхъ, здѣсь начали оправляться для новыхъ и новыхъ тяжелыхъ боевъ...

Такъ кончилось сраженіе подъ Тюренченомъ, стоившее намъ 60 офицеровъ и 2.130 нижнихъ чиновъ и громкою славою покрывшее знамена 11-го и 12-го Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ съ ихъ артиллеріей. Оно окончилось отходомъ

Восточнаго отряда отъ рѣки Ялу. Правда, этотъ отходъ былъ предусмотрѣнъ и заранѣе былъ рѣшенъ, но поле сраженія, въ которомъ наши войска дрались неизмѣримо храбрѣе японцевъ, осталось все же за ними...

За ними, но лишь потому, что насъ было мало, что мы значительно были слабѣе огнемъ и ружейнымъ и пушечнымъ,— потому, наконецъ, что нашимъ войскамъ задолго до боя было приказано отступить послѣ временной задержки, а въ самомъ бою изъ распоряженій начальства отряда такъ вышло, что противъ всей арміи Куроки боролись то 12-й и 22-й стрѣлковые полки, то одинъ одиннадцатый. Было бы быть можетъ иначе, если бы мы наступали, если бы армію Куроки въ Тюренченѣ встрѣтили всѣ силы Восточнаго отряда, если бы драться пришлось одному противъ двухъ, а не противъ десяти, какъ это было.

Доблестные стрѣлки и ихъ офицеры явили въ этомъ тяжкомъ бою достойный примѣръ русской храбрости и отваги, и не ихъ вина, что пришлось уступить мужественному врагу, оцѣнившему доблесть и самоотверженіе русскихъ.

Безвѣстныя, далекія могилы, полныя костьми русскихъ на холмахъ чести подъ Тюренченомъ, покойте до радостнаго пробужденія положившихъ за Родину жизнь свою нашихъ стрѣлковъ и офицеровъ! Да не умрутъ въ памяти Родины ихъ подвиги и страданія. Да не забудется и *высокій подвигъ полковника Лаймннга съ его смѣлымъ 11-мъ Восточно-сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ*, твердо помнившимъ великую заповѣдь Христову: больше сея любве никто же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя...

ИЗДАНІЕ ВСЕРОССІЙСКАГО НАЦІОНАЛЬНАГО КЛУБА.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ БИБЛІОТЕКА.

2-я серія:

14. **Великая крестьянская реформа при Царѣ-Освободителѣ** (въ популярномъ изложеніи). **Ц. 25 к**

15. **Какъ прекратилось крѣпостное право на Руси.** Памяти Царя-Освободителя. **Ц. 10 к.**

Для начальныхъ школъ и дѣтей.

16. **Жизнь и царствованіе Императора Александра II.** Съ портретами картинами и иллюстраціями. **Ц. 20 к.**

17. **Царь-Освободитель, его дѣла и завѣты. Ц. 10 к.**

Для публичныхъ народныхъ чтеній.

Къ этой книжкѣ изготовлено 46 свѣтовыхъ картинъ для воспроизведенія во время публичныхъ народныхъ чтеній.

18. **Сборникъ стихотвореній, посвящен. Царю-Освободителю. Ц. 10 к.**

20. **Юбилейная пьеса** въ І-мъ дѣйствіи: **«Великій день»** А. Навроцкаго. **Ц. 1 р.**

21. **Памятка русскому народу о Царѣ-Освободителѣ и его великихъ дѣяніяхъ.** Съ портретами Царя-Освободителя, Императрицы Маріи Александровны и иллюстраціями главнѣйшихъ событій царствованія. **Ц. 100 экз. 8 р.**

Для раздачи народу, солдатамъ и учащимся.

22. **Памятка кадетамъ и юнкерамъ.** Съ портретами и иллюстраціями. Роскошное изданіе. **Ц. экз. 15 к.**

Для раздачи учащимся.

23. **Памятка русскому воину.** Отпечатана въ 2-хъ краскахъ. **Цѣна 100 экз. 3 р.**

24. **Снимокъ съ картины: «Привѣтствіе Царя-Освободителя»,** съ текстомъ. **Ц. 100 экз. 1 р.**

25. **Открытыя письма съ портретами Императора Александра II** и картинами жизни и царствованія. Цѣна комплекта въ **10 экз. 40 к.** Отдѣльный экземпляръ **5 к.**

Требованія и деньги нужно направлять:

С.-Петербургъ, Литейный, 10, Всероссійскій Національный Клубъ.

СОЧИНЕНІЕ НА КОНКУРСЪ.

Домъ Романовыхъ (къ 300-лѣтію событія 21 Февраля 1613 года). Государи изъ Дома Романовыхъ, ихъ жизнь и дѣятельность, главнѣйшія событія царствованія.

Срокъ представленія рукописей 1 Января 1912 г.

Преміи: 200 р., 150 р. и 100 р.

Изданіе Всероссійскаго Національнаго Клуба

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

I. 3-я серія «Отечественной Библіотеки»

1. **Герои Русско-Японской войны, бой подъ Тюренченомъ** (печатается).
2. **Страна восходящаго солнца. Китай.**
3. **Герои Русско-Японской войны. Шахе.**
4. **Турція и Россія.** Взаимныя отношенія. Войны. Нынѣшнее положеніе Турціи.
5. **Подвиги нашихъ моряковъ во время Русско-Японской войны**
6. **Княгиня Ольга.**
7. **Русскіе самородки. Ломоносовъ.**
8. **Бояре Романовы.** (Воцареніе Державнаго Дома Романовыхъ).
9. **Герои 12 года.**
10. **Мининъ, Пожарскій и конецъ смуты.**
11. **Подвижники лихолѣтья—Діонисій и Авраамій Палицынъ.**
12. **Наши окраины. Кавказъ.**

II. Серія изданій, посвященная 12-му году:

1) **12-й годъ.** Общій очеркъ. 2) **Отечественная война.** Для публичныхъ народныхъ чтеній. 3) **Императоръ Александръ I, Его жизнь, царствованіе и сподвижники.** 4) **Герои 12 года** (изъ 3 сер.). 5) **Бородинскій бой.** 6) **Александръ Благословенный и Отечественная война.** 7) **Партизаны 12 года** (изъ 1 сер.). 8) **Альбомъ дѣятелей 12 года.** 9) **12 годъ въ русской литературѣ.** 10) **Кантата: «День встаетъ багрянъ и пышенъ»** (изъ юбилейн. издан. 19 февраля).

Кромѣ указанныхъ изданій, къ юбилею 12-го года предполагается имѣть, какъ комиссіонный товаръ: бюсты и портреты Императора Александра I и героевъ 12-го года, свѣтовыя картины, изданія объ Александрѣ I, Отечественной войнѣ и герояхъ 12-го года другихъ издательствъ.

III. Выпущена въ продажу 1-я серія ученическихъ тетрадей, обложка которыхъ украшена съ одной стороны рисункомъ, а съ другой—соотвѣтственнымъ текстомъ.

Для первой серіи взяты слѣдующіе рисунки: 1) Св. Ольга, 2) Сусанинъ, 3) Петръ Великій, 4) Ломоносовъ, 5) Суворовъ, 6) Пушкинъ, 7) Гоголь и 8) Тургеневъ.

ЦѢНА ТЕТРАДЕЙ: 1 шт.—3 к., 10 шт.—25 коп. При покупкѣ партіями, торговцамъ и учрежденіямъ—скидка. Упаковка и пересылка за счетъ покупателя.

2007050549